

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПЕПЕЛ БОГОВ

СЕРГЕЙ МАЛИЦКИЙ
ТРЕБА

Пепел богов

Сергей Малицкий

Треба

«Автор»

2012

Малицкий С.

Треба / С. Малицкий — «Автор», 2012 — (Пепел богов)

ISBN 978-5-9922-1330-0

О нем многие забыли, но воин, по вине которого случилась Пагуба, затопившая Салпу болью и смертью, воин, благодаря которому Пагуба отступила, все еще жив. Он продолжает путь, который может как уничтожить мир под раскаленным небом, так и спасти его.

ISBN 978-5-9922-1330-0

© Малицкий С., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	45
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Сергей Малицкий

Треба

Пролог

Весна в горах – та же, что и на равнине. Не только ущелья окутываются туманами, и склоны гор покрываются зеленым налетом чуть ли не под самые ледники, но и ветер становится влажным и теплым, а под крышей уютного трактирчика на восемь столов вдруг обнаруживается какая-нибудь ошалевшая от счастья пичуга, которая разливается трелями, словно добиралась к родному гнезду с края света.

Милая, еще далеко не старая женщина стояла за стойкой, шевелила лопаткой в печи лепешки по-лапаньски, поглядывала на рвущую горло птицу, бросала взгляд в зал, свет в который падал из четырех больших окон, и улыбалась. Прошедшая зима оказалась не слишком суровой, монеты, сообразно количеству прикормленных завсегдатаев, водились, муж не огорчал, а скорее радовал, да и дети росли на загляденье – крепкие, шустры, сообразительные, а что еще нужно матери для счастья? Тем более что и в эту минуту все трое были рядом: младшая дочь, прикусив от старания язык, месила начинку для лепешек, средняя раскатывала тесто, а старший сын только что принес охапку дров для печи и ухватился за ручки ведер, чтобы наносить еще и воды из колодца.

– Обожди с водой, – продолжая улыбаться, но пряча в глазах беспокойство, бросила негромко мать. – Две кадушки полны. Сбегай-ка к отцу да подмени его. Скажи, срочно нужен в трактире. Гость у нас.

– Кто? – прошептал черноволосый парень, не поворачивая головы в сторону зала.

– Кто-то, – ответила мать. – Иди через двор. Отец пусть заходит с улицы да бирку повернет. Как раз утренние посетители разойдутся.

Парень кивнул, гроыхнул ведрами и вышел на задний двор, а уже оттуда выскочил в узкий проулок, в котором еще лежал в тени лед, перемахнул через низкую каменную ограду, вылетел на площадь перед крепостными воротами, где шумело торжище, и, лавируя между рядами, палатками, тентами и корабейниками, подбежал к самым воротам крепости.

– Отец! – окликнул он кудрявого, с легкой проседью, улыбчивого торговца, который продавал горячие намешские пирожки.

– Что за оказия? – поинтересовался тот, не стирая с лица улыбку, хотя его глаза наполнились тревогой.

– Мать зовет, срочно, – понизил голос парень. – Велела подменить тебя да сказать, что ты нужен в трактире. Заходи с улицы, не забудь повернуть бирку. Гость у нас.

– Кто? – тут же начал снимать с плеча корзину торговец.

– Не знаю, – ответил парень. – Я не разглядывал.

– Менять меня не нужно, – сунул сыну в руки корзину торговец. – Ешь. Один пирог остался. Неси корзину в трактир, но через двор. Потом тихо, тайком, подай матери за стойкой лук и десяток стрел. Лук держи над стрелами. Понял?

– Понял, – пробубнил парень с набитым ртом.

– Так не медли, – похлопал его по плечу торговец. – И пригляди, нет ли подозрительных зевак возле трактира.

В первые весенние дни, едва в городке при крепости Гима – обители вольных мудрецов, или, как о том любили позлословить где-нибудь в богатых домах Хилана, убежище сумасшедших изгоев со всей Салпы, – с мостовых сходил лед, колокол в надвратной башне давал сиг-

нал к началу окраинного торжища. Всю площадь, которая и в обычные дни даже зимой не оставалась без торговцев, купеческий люд заполнял в сотню раз плотнее обычного. Поднимались шатры и палатки, тянулись тенты, ставились в ряд крытые и открытые повозки, сколачивались да расставлялись столы и прилавки. Весь не слишком большой городок разом превращался в ярмарку, которая, конечно, не могла спорить размерами со знаменитой водяной ярмаркой Хилана, но для изрядного количества обитателей Салпы была главным торжищем на целый год. Вольные хлебопашцы именно здесь могли взять лучшую цену за зерно, кожу, гончарные и ткацкие изделия. Мугаи именно сюда тайными тропами да с немалыми ухищрениями провозили олово и драгоценные камни. Лапани именно здесь и больше нигде делились с прочими обитателями Салпы верблюжьим молоком и сыром, войлоком и, что влекло на гимскую ярмарку прощелыг со всего Текана, – золотым песком. Даже торговцы из-за Хапы, несмотря на недовольство вновь избранного правителя всего Текана – молодого иши, – умудрялись добираться до вожаемого торжища. Немногочисленные после пережитой Пагубы гиенцы хвастались лошадьми и овчиной, еще более немногочисленные, заново отстраивающие свой город кетцы – орехом и шерстью, хиланцы – стальными и бронзовыми штукovinaми, редкие гости – туварсинцы – шелком, и прочая, и прочая, и прочая. Только тати, в отличие от допагубных лет, на ярмарке почти не показывались. Нет, упрямые малла перекачивали со своих крохотных повозок к торговым местам бочонки с медом, а вот лами и кусатара старались до времени не появляться на Гимском перевале, искали для себя других торжищ и других перевалов. Впрочем, как говорили старцы в самой крепости, путь им на ярмарку был не заказан, и рано или поздно они должны были на нее вернуться, тем более что стражники Гимы порядок на площади и во всем городе поддерживали неукоснительно.

Пробираясь между многочисленными торговцами, их товаром и еще более многочисленными покупателями, недавний пирожник улыбался незнакомым ему людям, при этом незаметно поправляя ножи на поясе. Так, с улыбкой на лице, он и добрался до дверей собственного трактира, который стоял не на площади, а на соседней улочке, что не мешало ему благодаря добрым отзывам довольных караванщиков славиться на все окрестные земли не слишком высокой ценой и изрядным качеством еды.

Подойдя к трактиру, торговец перевернул бирку, на которой были написаны два слова – одновременно и по-хилански и по-лапаньски, той стороной, что извещала – трактир закрыт, заметил скучающую у коновязи невысокую, но выносливую лошадку и вошел внутрь. Хозяйка стояла за стойкой, девчонки возились рядом, в зале оставался один человек. Торговец подмигнул хозяйке, шумно поздоровался, словно за столами сидели не меньше десятка его дружков, сел через стол напротив незнакомца и столь же шумно потребовал себе кубок вина и кусок пирога.

Незнакомец оказался незнакомкой. Просто одетая женщина лет двадцати – двадцати пяти ела поданное ей кушанье, а именно все тот же пирог с мясом и овощами, окуная его время от времени в миску с соусом, да запивала все это великолепие слабым вином, разбавляя его водой. Лицо и волосы ее скрывал капюшон зеленовато-серого шерстяного бурнуса, но выглядывающие из-под него завитки черных волос, строгая линия носа, подбородка, цвет кожи и временами посверкивающий необычный, темно-синий взгляд позволяли предположить, что незнакомка довольно привлекательна, а может быть, даже и очень красива. Рядом с нею на столе лежал мешок, в котором, судя по очертаниям, могла быть укрыта как небольшая прялка, так и самострел с наложенной на него стрелой. Торговец скосил взгляд под стол и разглядел прислоненный к лавке посох. Простенький, с удобной, оплетенной кожей рукоятью, но уж больно громоздкий сам по себе.

– Брось, Харк, – проговорила женщина низким приятным голосом, отпив очередной глоток разведенного вина. – Не хотела показываться, но уж больно ты резок, а женушка твоя гла-

заста. Оставь в покое ножи на поясе и в руках. Не устраивай представление. Ведь ты не для этого перевернул бирку у входа и задвинул щеколду изнутри? Ты же хозяин трактира? Оставь пироги и вино посетителям. Тебе же гораздо милее домашняя похлебка, печеная курочка и салатик из ранней редиски. Разве не так?

Торговец едва не поперхнулся вином из кубка, который он уже поднес ко рту, а стоявшая у печи женщина выронила лопатку на угли.

– Не волнуйся, Хасми, – продолжила незнакомка. – Твоего кудрявого муженька я вижу впервые. Просто есть некоторые хитрости, которые позволяют определять... пристрастия соседей. Ты можешь не беспокоиться. У тебя замечательный и верный муж, если он и может изменить тебе, то только с миской все той же похлебки. Да и то сердце его останется с тобою.

– Кто ты? – только и смогла вымолвить Хасми, сбивая огонь с лопатки. – Что тебе нужно?

– Ну, уж стрела в живот мне без надобности, – улыбнулась незнакомка, отодвигая блюдо и смахивая с пальцев крошки платком. – Поэтому не трогай лук да отправь куда-нибудь дочек и сына, который спрятался под стойкой. Раз уж между нами завязался разговор, будет лучше, если они не услышат лишнего.

Хасми прошипела что-то негромко, дождалась, когда шлепанье босых ног по дощатому полу затихнет, выложила на стол лук, стрелы, несколько ножей, что могли служить и для кухни и для боя, и приготовилась слушать.

– Мое имя вам ничего не скажет, – не торопясь, начала незнакомка. – И знать вам про меня ничего не нужно, кроме того, что я ищу человека, которому я обязана и который в небольшой степени обязан и мне.

– О ком идет речь? – неуверенно вернул улыбку на лицо Харк.

– О некоем Кире Харти, а так же Луке, Луккае, Кае-Весельчаке и зеленоглазом охотнике, – проговорила незнакомка. – В песках он иногда появлялся под кличкой Меченый, из-за пятна на спине. Пока что я знаю только об этих его именах.

– А почему мы должны знать о нем? – удивилась Хасми.

– Действительно, – рассмеялась незнакомка, – с чего это вы должны знать о человеке, чью внешность помните так же хорошо, как и свою собственную? Кстати, ваши дети не слишком болтливы? Я не подвела вас, назвав настоящими именами?

– Не подвела, – успокоил незнакомку Харк. – Они знают наши настоящие имена. И они несколько не болтливы.

– Достоин восхищения, – стала серьезной незнакомка. – Нет большей гордости, чем гордость за собственных детей. Надеюсь, и у меня когда-нибудь будут дети.

Она словно задумалась на мгновение.

– Но вернемся к главному. Вы знаете об этом человеке, хотя никому и ничего не должны. Я не буду пересказывать, как каждый из вас познакомился с Киром Харти. Могу ведь и упустить что-то, да и даже мне подобные воспоминания показались бы тяжелыми. Лучше я расскажу, как нашла вас. Чтобы вы не слишком уж волновались.

– Мы вовсе не волнуемся, – оглянулся на Хасми Харк. – Пагуба закончилась более десяти лет назад, чего нам волноваться? Даже если бы мы что-то знали об этом человеке? Здесь правят старцы, а с ними у нас хорошие отношения. И Текан все еще слишком слаб, чтобы воевать с Вольными землями. Только-только очистил леса от последних пустотных тварей. Кроме того, никогда войска иши не добиралась до Гимы. Да и счета с тати у Текана таковы, что о нас иша может и вовсе не вспомнить. Хилану не до нас.

– Тати это касается тоже, – подала голос Хасми. – Им тоже не до нас. Если даже тати не строят планов уничтожения Хилана, то уж, во всяком случае, опасаются мести с его стороны.

– Тем не менее, – проговорила незнакомка, – за последние годы я объездила весь Текан, выбиралась даже за его пределы. Я была в Хастерзе, где о зеленоглазом знает всякий, но легенды, которыми окружено его имя, таковы, что до истины докопаться сложно. Если он и

бывал там недавно, то под чужим именем, потому остался неузнанным. Я была в Гиене, в которой теперь жителей немногим больше, чем в Гиме в зимнее время, да и то половина из них одолженные ураем Хилана гвардейцы. Я была в Харкисе, который, как и Араи, восстанавливается по волеизъявлению молодого иши в десятке лиг от старого места. В Кете, которой до подлинного восстановления еще десятки лет. Но ткацкие станки на Высоте уже стучат. Была в Туварсе, в Аке, в Ламене, в Хурнае, в Зене, в Хилане, в Намеши. Я даже добралась до развалин в том самом месте, где некогда стояла крепость Сакхар и обитал ныне исчезнувший клан Смерти. И везде, где бы я ни встречала живых людей, я собирала любые сведения о зеленоглазом охотнике, хотя и нигде не могла его застать. Но я знаю о нем многое. А прошлым летом в Хилане я наткнулась на седого обрюзгшего старика, который сидел босым в садике у собственного дома, радовался еще нестарой жене и никого не боялся, потому что был готов отправиться на встречу с Пустотой в любой миг. Его звали Эпп. Ничего не говорит это имя? Вы ведь сталкивались с ним в Хурнае? Недолго, но сталкивались?

И Харк и Хасми промолчали.

– Дело не в вас, конечно, – заскучала незнакомка. – Я, как вы уже поняли, имею некоторые способности. Скажем так, я угадываю то, о чем думают люди рядом со мной. Не всегда ясно, но, если я смотрю им в глаза, лишь немногие могут утаить от меня свои мысли.

Она скинула капюшон и уставилась в глаза Харку.

– Закрой глаза! – прошипела за стойкой Хасми.

– Поздно, – промолвила женщина, которая и в самом деле оказалась красавицей. – Я уже все знаю. Ну, или то, что мне нужно. Теперь, собственно, можно и уходить. Но вам нечего беспокоиться. Я друг Кира Харти.

– Друг? – недоверчиво протянул Харк и нервно глотнул вина.

– Друг, – кивнула незнакомка. – Правда, не уверена: друг ли он мне? Может быть, он вовсе не захочет знаться со мной? Но я должна... попытаться.

– Как ты нашла нас? – спросила Хасми. – Я так и не поняла...

– Легко, – кивнула незнакомка, вновь опуская на лицо капюшон. – Едва я назвала Эппу имя Кира Харти, как он тут же вспомнил ваши имена. В сердце этого старого хиланского воина таится много боли, и она всплывает, стоит лишь слегка потревожить его память. Корни этой боли, несомненно, и в окровавленном Харкисе, и в том, в чем Эпп не участвовал, но о чем он прекрасно осведомлен. Я имею в виду историю семейства Куранта, а именно его троих приемных детей – Хараса, Неги и самого зеленоглазого, а также Лалы, дочери кузнеца Палтанаса, изготовившего меч для Кира Харти. Нет, Эпп не называл этих имен. Он только о них вспомнил. Мне этого было достаточно. Вслух он не сказал мне ни слова.

– Ты опасный человек, – процедила сквозь зубы Хасми.

– Да, но не для добрых людей, – медленно проговорила незнакомка. – Это... как легкое усилие. Если я его не делаю, я ничем не отличаюсь от кого бы то ни было. Я – обычный человек.

– Хочется верить, – осторожно заметил Харк.

– Эпп не знал, где нас искать, – добавила Хасми.

– Верно, – кивнула незнакомка. – Но Харас навевался к Эппу. Под чужим именем, но навевался. Справлялся о возможности Лале вернуться в Хилан, востребовать кусок земли за городской стеной, где некогда стоял дом ее отца. Эпп не смог ему помочь, но не забыл об этом случае. Дальше было уже не так сложно. Я нашла лодочника, который перевозил Хараса через Хапу. Нашла струг, на котором рыжебородый спустился к устью Блестянки. А вскоре отыскала и дом за болотами на окраине Дикого леса, где Харас, Лала и их четверо детей вполне счастливы.

– Уже четверо? – удивился Харк.

– Они живут обособленно, – пожала плечами незнакомка. – Держат кузню и маленькую пекарню, коптят рыбу. Обслуживают лесорубов и сборщиков ягод. А долгие вечера там так

тихи и безмятежны, что я удивляюсь лишь четверым детям. Боюсь, что я бы рожала каждый год по одному.

– Но и они не знали, где нас искать! – воскликнула Хасми.

– Да, – кивнула незнакомка. – Но мне хватило для поисков того, о чем они вспомнили. О том, что ты, Харк, собирался отправиться туда, куда не забредают хиланские ловчие, да хотел заниматься тем, что тебе знакомо, то есть трактиром. И о том, что на милом лице Хасми все еще остаются едва различимые точки на губах после страшных пыток.

Хасми побледнела и прикрыла губы ладонями.

– Не так уж много трактирщиков, чьи жены несут такие следы на лице, – добавила незнакомка.

– Ей зашивали рот! – процедил сквозь стиснутые зубы Харк.

– Я знаю, – вымолвила незнакомка и поднялась. – Мужество, с которым твоя жена приняла выпавшие на ее долю испытания, достойно преклонения. Я бы не хотела оказаться на ее месте. Не уверена в собственной стойкости.

– И ты ходила по Текану и Вольным землям и расспрашивала обо мне? – помрачнела Хасми.

– Я даже не заводила разговоров о вас, – покачала головой незнакомка. – Я нарисовала на своем лице похожие шрамы и притворилась обычной путницей, торговкой лентами и стеклянными бусами. Они у меня и теперь есть. Уже в пятом трактире я услышала, как один из торговцев думает о том, что нет прощения пустотной мерзости и слугам ее, если они не только убивали людей, но и издевались над ними. И о том, что уже вторая женщина с такими отметинами – слишком много для одной дороги. Дальше все было просто. Еще раз прошу прощения, Хасми, что заставила тебя вернуться к нелегким испытаниям даже в мыслях.

– Мне кажется... – Хасми говорила медленно. – Я не читаю чужих мыслей, но мне кажется, что и ты готова к некоторым испытаниям?

– Надеюсь на это, – после долгой паузы ответила незнакомка. – И чтобы развеять ваши сомнения, я скажу, что вызнала у вас. Кир Харти сейчас находится в лапаньской темнице. И он отправился туда по собственной воле. Во всяком случае, собирался туда. Но вы не знаете зачем. Он предупредил вас, чтобы вы не слишком беспокоились. Но вы считаете его сумасшедшим. Особенно теперь, когда Пагуба отступила. Где находится эта тюрьма? Примерно три сотни лиг на северо-восток. По пустыне. Спасибо. Вот уж не знала, что у лапани не только стойбища, но есть и город. Или это не город? Не их город? Значит, тюрьма есть, а города нет? Странно, зачем тюрьма кому бы то ни было, если нет города?

Харк и Хасми потрясенно молчали.

– Палхи обходятся ямами, в которых откармливают мугаев, – продолжила говорить незнакомка. – Но если не хотят жирной человечины, заставляют мугаев работать в штольнях.

– Ты думал слишком подробно! – прошипела на ухо Харку Хасми.

– Не обижайтесь, – проговорила незнакомка.

Она сделала несколько шагов к выходу и остановилась уже у самой двери.

– Я должна его найти. Он для меня то же самое, кем был для тебя, Хасми, сначала твой друг Намувай и кем стал на остаток жизни твой Харк, да будете вы живы и здоровы еще много-много лет. Раньше я думала, что давняя встреча с Киром Харти сотрется из моей памяти, но время оказалось не властно над нею. Но есть и другие причины, почему я ищу его. Вам о них знать не нужно.

– Это все? – хрипло спросила Хасми.

– Почти, – вздохнула незнакомка. – Но не думайте, что ваше пребывание здесь – тайна. У вашего трактира меня ждал соглядатай. Шустрый, остроносый воин. Он прикидывается нищим странником. Думаю, что он приглядывал за каждым, кто входит сюда, так что для кого-то ваше пребывание здесь не тайна. Но я постараюсь его заинтересовать, чтобы увести от вас. Если он

не зацепится и останется, да еще будет расспрашивать обо мне, можете сказать, что я справлялась о каком-то зеленоглазом охотнике. Думаю, что это посланник иши Текана. Кто-то из ловчих или даже из тайной службы. Скорее всего, он пойдет за мной.

– Зачем Кир ише? – не выдержал Харк. – И почему ты не убьешь этого ловчего?

– Зачем убивать соглядата, которого знаешь? – удивилась незнакомка. – Ведь тогда может появиться кто-то другой, о ком ты догадаешься не сразу. А что касается того, зачем Кира Харти ищет иша, секрета в этом нет. В Хилане многие говорят об этом. Насколько мне известно, с год назад Кир Харти отправил через воеводу Тарпа письмо урайке Хилана Тупи, матери нынешнего иши. В этом письме он сказал, что собирается открыть Салпу миру. Снять огненные границы, которые считаются границами Пустоты, и доказать, что мир бесконечен и Салпа лишь малая часть его. Я уж не говорю о слухах, что в первый день третьего месяца весны зеленоглазый охотник через Ледяное ущелье вскрыет несметные богатства Запретной долины. До назначенного им срока остались считанные недели.

– Зачем? – не поняла Хасми. – Зачем он написал это ише?

– Он беспокоится о людской участи, – предположила незнакомка. – Считает, что, когда границы падут, Текан окажется в окружении бесчисленного количества тати, потому что это их мир. Во всяком случае, когда-то так было. Уж не знаю, как к этому письму отнеслась Тупи, но именно после него ураи Текана собрали Большую Тулию и избрали нового ишу. Думаю, Салпа и в самом деле может освободиться от власти Пустоты. Или вы сомневаетесь в зеленоглазом?

– И соглядатай должен не допустить этого? – прошептал Харк. – Или только наблюдать за Киром Харти?

– Не знаю, – задумалась незнакомка. – У него сильные амулеты, мне не удалось покопаться в его голове и уж тем более заглянуть ему в глаза. Может быть, он должен убить Кира Харти, может быть, следить за ним, но как лазутчик он неплох. Я прибыла в Гиму вчера, нашла ваш трактир, задержалась у входа на минуту, и с тех пор он от меня не отставал. Даже на торжище. Наверное, я показалась ему подозрительной. Но не волнуйся, Хасми. Я не допущу смерти Кира Харти. Даже если он не захочет иметь со мной дела. Прощайте.

– Минуту, – подала голос Хасми, останавливая незнакомку в дверях. – Ответь. Ответь мне как женщине... Ты ведь слышишь, о чем думают мужчины, когда видят тебя?

– Да, – кивнула незнакомка. – Почти каждый из них, даже тот, кто верен собственной жене и в чьем сердце живет нежность к ней, обязательно раздевает меня в своих мыслях и порою даже овладевает мной. Некоторым удастся фантазировать довольно мило, не скрою. Некоторые ничем не отличаются от хиланских псов.

– И как же ты... – пробормотала Хасми.

– Привыкла, – рассмеялась незнакомка. – Конечно, хочется порой обрезать неумные фантазии, но боюсь, что в таком случае мне лучше вообще не встречать на дорогах мужчин, а то я покалечу каждого, исключая слепцов. Так что скорее я даже удивляюсь, когда кто-то не представляет меня без одежды и не придумывает... разного. К тому же так думают о большинстве женщин. Уверяю тебя, Хасми. В твой трактир приходят не только за вкусной едой, но и полюбоваться на тебя. Когда ты улыбаешься, словно солнце заглядывает в его окна.

– А как же Кир... – начал Харк.

– Он непрогляден для меня, – ответила незнакомка. – И это тоже важно. Очень. Простите меня за излишнюю болтливость. Редко удастся поговорить с теми, кому можно довериться. Прощайте.

Дверь хлопнула. Хасми с интересом посмотрела на мужа. Харк покраснел и начал сбивчиво бормотать:

– Да как ты могла подумать? Да ничего такого. Все мысли только о тебе. Да брось ты...

– Расскажешь мне об этом вечером, – пообещала ему Хасми. – И ночью.

– А под утро расскажу еще раз, – ударил себя кулаком в грудь Харк.

– А знаешь, – Хасми погасила плеснувшуюся в глазах нежность и нахмурилась, – я вот о чем думаю. Когда же она познакомилась с Каем? Ты видел? У нее пояс с хурнайской пряжкой. В виде двух серебряных рук. Последний раз Кай бывал в Хурнае только во время Пагубы. То есть она виделась с ним почти пятнадцать лет назад. Если ей сейчас двадцать пять, то тогда было десять? Ты можешь это себе представить? И вот еще... Ведь она очень одинока.

– Так ты тоже читаешь чужие мысли? – грустно скривился Харк.

– Нет, – мотнула головой Хасми, коснулась пальцами губ, об отметилах на которых она начала забывать. – Но я женщина. И ведь ты тоже почувствовал. Признайся! Она и в самом деле рассказала нам больше, чуть больше, чем надо. Лишнее. Наверное, она заглянула в наши сердца и поняла, что мы не так уж и плохи. Ведь так?

– Ну, насчет похлебки и редиски я бы поспорил, – протянул Харк.

– Знаешь, – пробормотала Хасми, – а ведь я бы не хотела знать, о чем ты думаешь. Даже если ты врешь мне, все равно не хотела бы.

– Я не вру, – сделался серьезным Харк.

– Я знаю, – кивнула Хасми.

За окном раздался стук копыт. Притихшая было пичуга снова залилась трелями.

– Хорошая примета, – сказал Харк.

Незнакомка миновала восточный дозор гимской стражи в тот же день. Через час за нею проследовал неприметный всадник. Лицо его было тоже скрыто капюшоном, но стражи сумели разглядеть и длинный нос, и маленькие глазки странного путешественника. А потом прочли и шипящее имя на его ярлыке – Шалигай. Заплатив проездную пошлину, Шалигай отъехал на четверть лиги, обернулся, открыл короб, закрепленный на крупе коня, и вытащил оттуда голубя. Не прошло и минуты, как серый вестник взвился в небо и полетел в сторону Хилана.

Еще через час на посту стражи появился седой, чуть полноватый старик маленького роста, который ехал на осле. Стражники упали на колени, потому что узнали в неприятельном путнике правителя Гимы – старца Эшу. Старик сердито цыкнул на дозорных, произнес несколько резких слов и щелкнул пальцами. Дозорные замерли, словно окаменели, и пришли в себя только минут через пять, когда старика уже и след простыл. Впрочем, они уже не помнили ни о нем, ни о Шалигае, ни о прекрасной всаднице с темно-синими глазами.

Глава 1

Асана

Лапани обходились без городов. Разве могли дома из дерева или из камня заменить теплый двойной шатер из шерсти черной козы, которому не страшны ни ветер, ни дождь, ни снег? Разве можно разобрать каменный или деревянный дом, погрузить на верблюдов, переехать на другое место – на другое пастбище, и уже ближайшей ночью снова спать в собственном доме? Нет. Не было городов у лапани. Иногда старики или старухи, которым главы родов доверяли воспитание детей, начинали рассказывать малышам что-то о далеких предках, что построили ныне занесенные песком города, но сами не слишком верили собственным словам. Порой песок отступал, и открывающиеся камни являли надписи, выполненные той же самой вязью, которой старики-лапани все еще размечали привычные таблички, но смысл написанного на камнях ускользал от скотоводов, хотя вроде бы и знаки были те же самые, да и слова из них складывались почти знакомые. К счастью или к несчастью, но древние города были скрыты песком почти полностью, что позволяло избежать ненужного соблазна и тревоги кочевого ума. Однако один из древних городов показал лапани несколько больше обычного.

В трех сотнях лиг от Гимского перевала из песков поднималось целое здание. Два этажа были сложены из черного камня, который летом нагревался на солнце так, что, попытайся кто из кочевников прислониться к нему, оставил бы ожоги даже через двойной стеганный лапаньский бурнус. Крыша над зданием не сохранилась, и толстые стены, ограждающие квадрат размером сто на сто шагов, колонны, внутренние лестницы, башни, галереи и переходы, напоминавшая высохшие внутренности гигантского зверя, устремлялись непосредственно в желтое небо. Часть лестниц спускалась в недра здания, скрытые глубоко в песке, в центре строения темнело пятно провала в жуткие подземелья, но уж туда попадали немногие. И не потому, что в песке этажей таилось больше, чем над песком. И не потому, что там, в темноте, в самую страшную жару царили сырость и холод. И не потому, что здание разбегалось залами и коридорами в стороны, всякий год обнажая новые проходы, что грозило путешественнику потерей пути. Нет. Совет родов лапани устроил в здании темницу для преступников, а в его верхнем подземном ярусе хранилище богатств степняков, которые и охраняли выделенные каждым родом воины.

У входа, который когда-то был скорее всего огромным стрельчатым окном, из песка торчал обломок гранитной стелы, покрытый лапаньской вязью, прославляющей какого-то древнего правителя. Смысл надписи был неясен из-за множества древних слов и титулов, но первое предложение лапаньским мудрецам удалось прочитать довольно точно. В нем говорилось, что все земли, укрытые пламенным куполом, будут служить правителю золотых песков, и он, этот самый правитель, будет сидеть в черном дворце, как в огромном кресле, и смотреть на припадающих к ногам его. Надпись начиналась со слова «кресло». Именно это слово появилось из песка первым, звучало оно по-лапаньски как «асана», и именно оно и дало название и двум этажам здания над песком, и бесчисленному количеству этажей под ним, и ближайшему к развалинам оазису, до которого было всего лишь пятьсот шагов, и всем шатрам и навесам, что ныне покрывали окрестности оазиса и развалин на пару лиг во все стороны. Все это называлось Асаной. Так что как бы лапани ни презирали города, но что-то вроде города с настоящими улицами и площадями, с общими отхожими местами и рынками, с торговцами-водоносами и общинными стражниками им пришлось устроить.

Именно в этот «не город» и въезжал весенним днем караван вольных торговцев. Асана была открыта для них дважды в год – полтора-два месяца весной и столько же осенью. Именно в эти дни пространство Холодных песков обретало алый и зеленый, в тон расцветающих тюльпанов или зеленеющей травы, цвета. Но допуск чужеземцев на равнину объяснялся не забо-

той об их лошадях. Как раз в эти месяцы большая часть родов собиралась в Асане. На родовых пастбищах оставались только пастухи, в стойбищах старики и старухи, а молодые воины, молодые женщины – все были здесь. Женщины торговали и торговались на пусть и меньшем, чем в Хилане и даже Гиме, но значительно более шумном рынке, а молодые воины устраивали гонки на верблюдах, соревновались в меткости стрельбы из луков и метании дротиков, проверяли крепость костей и суставов друг друга в борцовском круге. Кроме всего прочего, в эти же дни игрались и свадьбы, хотя большая их часть все-таки выпадала на осень. И все же караванщик, который властвовал над двумя десятками навьюченных мулов, улыбался. Ленты и украшения, которые он вез в Асану, пользовались спросом и весной. Всякая уважающая себя степная девушка запасалась ими заранее.

Одно беспокоило караванщика – прибившаяся к его каравану пара путников. Сначала появилась молодая торговка в блеклом бурнусе с мешком лент – не конкурентка, так, коробейница. А на полпути караван нагнал напоминающий крысу хиланец, сославшийся на какие-то торговые интересы. Конечно, одинокие путники, если они не пытались самовольно проникнуть к золотоносным пескам, которые располагались на окраине земель лапани, могли во всякое время отдаваться жару или холоду, но сотвори они какую пакость, лапаньские стражи могли спросить и с караванщика. Объясняй им потом, что он толком и имен их не запомнил, хотя и взял по серебряному за совместное странствие. Впрочем, на разбойников попутчики караванщика не слишком походили, держались порознь и хлопот ему особых не доставляли. Тот же хиланец, если и был когда-то разбойником, явно растратил былой пыл – тащился в хвосте каравана, ни с кем и словом не перемолвился. С другой стороны, ему-то зачем чужими заботами затылок полнить? Вот уже и пустынные сосны оазиса впереди, вот зубчатый от шатров гребень старого бархана, вот веревка, растянутая на кольях вокруг всей Асаны, подрагивает на ветру. Неужто не отстанут? Отстают, хвала Пустоте. Кажется, и теперь он не прогадал. Уговор странники соблюли – караван остановился у дозора лапаньских мытарей, а парочка, сохраняя между собой солидное расстояние, направилась к обычным стражникам, что досматривали как раз коробейников и редких странников. Так ведь и там сохраняли промежуток – ближе двух десятков шагов так и не приблизились друг к другу. Чудны твои промыслы, Пустота. Кого только не встретишь на караванных тропах.

Молодая женщина, ведя лошадь под уздцы, подошла к стражникам первой. Хиланец сполз с коня и уселся на глыбу известняка в отдалении. Высокий лапани лениво поднялся со скамьи, прищурился от порыва прохладного весеннего ветра, наклонил голову, с интересом рассматривая незнакомку, приготовился скривить губы в презрительной усмешке. Женщина набросила повод лошади на крюк коновязи и сбросила с головы капюшон бурнуса. Улыбка на лице старшины-степняка растаяла, не проявившись. Ни крохи покорности не было в гостье Асаны, хотя с чего вроде бы? Одежда добротная, но не новая, да и простая, потаскай еще с полгодика, и будет впору в починку отдавать или самой пальцы иглой терзать. Из того, что могло сойти за оружие, – посох да нож на поясе. На лошади – пара мехов с водой или чем покрепче, тук тканей или лент да еще мешок с прялкой или чем-то похожим. Лошадь не плохая, но и не слишком хорошая. Всего-то и есть богатства, что чистая кожа, правильные черты лица, жгучие в черноту волосы, ладная статья, повадки и жесты мягкие, словно кошачьи или змеиные, да взгляд... Невозможный взгляд темно-синих глаз, который режет живую плоть на пласты, в самое сердце упирается, словно насквозь посмотреть хочет. А ведь богатство. Если и это не богатство, то что тогда богатство? А уж голос...

– Вот. – Незнакомка протянула старшине дозора ярлык. – Я из Зены.

– А пояс почему хурнайский? – кивнул старшина на серебряную пряжку с эмблемой клана Руки, двух соединенных в пожатии кистей.

– Подарок, – проговорила незнакомка.

- Арма, – с трудом разобрал хиланские буквицы стражник. – Зачинная?
- Да уж не из знати, – кивнула женщина.
- Вот ведь куда тебя занесло, бедолагу, – покачал головой старшина. – За какой надобностью в Асану? Расторговать что или еще интерес какой имеется?
- Интерес, – ответила Арма и обернулась к лошади, показала на тюк. – А под интерес и расторговать чуток товара хочу. Надо же и есть что-то, и место в шатре оплатить.
- Место в шатре получить тебе, красавица, легче легкого, – заметил степняк. – Только свистни – половина шатров твои. Зачем той, что сама счастье, счастья искать?
- Прищурилась Арма. На толику сдвинула узкие брови к переносице, словно высмотреть что в стражнике попыталась, проговорила негромко:
- Снаружи избытком посудинка полнится, а изнутри только ветер свищет. Суженого я ищу.
- Суженого? – удивился старшина, расправил плечи, подтянул пояс. – Кого-то с именем или по стати будешь отбирать?
- По глазам, – ответила Арма. – Взгляд у него... зеленью отсвечивает иногда. Словно степи лапаньские. Как раз об эту пору.
- Зеленью? – приуныл старшина, вернул ярлык женщине. – У наших глаза все больше в черноту бьют. Не там ты суженого ищешь, синеглазая, не там.
- Бедовый он, – продолжила Арма. – Всё его на подвиги тянет. Боюсь, как бы не загремел он в вашу темницу.
- В темницу? – обернулся старшина к черным стенам, что поднимались над конусами шатров. – Если уж загремел, то бедовее не бывает. Редко кто оттуда возвращается, девонька.
- А попросить кого о помощи? – наклонила она голову. – Неужели добрых людей нету среди охранников? Хотя бы восточку принять-передать? Там ли он, не там? Уж половину Салпы, считай, объехала.
- Нахмурился старшина, лоб наморщил, словно по именам перечислял в голове каждого, кто посодействовать мог незнакомке, но все одно головой замотал.
- Нет там никого, – присвистнул через прореху в зубах. – А если кто и есть, то монет не хватит, чтобы до его доброты достучаться. К тому же дозоры каждую неделю меняются. Одного прикормишь, а там уж другой стоит. И вот что я тебе скажу, милая.
- Шагнул вперед лапанец, наклонился,дохнул на ладную гостью запахом кислого сыра и травяного отвара:
- Сберегайся. Если кто узнает, что ходы к темнице ищешь, да старейшинам восточку кинет, сама в темнице окажешься. А там уж, пока через стражу пройдешь да через тех, кто среди заточенных силу держит, и о суженом забудешь. Только шкурка от тебя останется, да и та порченная. Бабы под землей редко случаются, так и то о казни чаще всего просят, все одно более часа внизу никто еще из них не продержался.
- Будь здоров, добрый человек, – прошептала Арма, поймала тонкой крепкой ладонью ручищу старшины, вложила в нее серебряную монетку, да второй ладонью накрыла. – Спасибо. Хорошо думал про меня.
- Сказала да мимо прошла. А степняк словно окаменел на пяток секунд, потом очнулся, глаза вытарашил и тут же заорал хиланцу, что жмурился на камне:
- Почтенный! За моим дозором скамейки ничем не хуже, чем перед ним! Или я буду тебя до полудня дожидаться?

Верно, не одну сотню лет дети Холодных песков месили ногами, увлажняли водой, мочой, остатками лапаньского супа, пылью, вытряхнутой из войлоков, барханы Асаны, чтобы те стали тверды, как каменные пустыни севера. Была бы еще вода в достатке, давно бы уже расправили

кроны дерева вокруг развалин, но лишь иногда заглядывали сюда через перевалы Восточных Ребер и Северного Рога весенние влажные ветра. Теперь как раз было их время.

Арма недолго бродила по Асане. Обошла огороженную все той же веревочной преградой торчащую из песка черную громаду, миновала четыре загона с лошадьми, пока не выбрала седого молчаливого лапаньца и не вручила ему поводья своей кобылы, предварительно забросив на плечо не слишком тяжелый тюк с лентами и странно похудевший мешочек, в котором не далее как неделю назад Харк заподозрил самострел. Затем отправилась на рынок и, дивясь визгливым голосам лапаньских женщин, распродала по низкой цене половину лент и стеклянных украшений, благо парочка из них – самых ярких – что сияла алым в ее волосах, заставляла столбенеть каждого вышедшего на торжище степняка и вызывала зависть у всякой степной девчушки. Недавний караванщик, разглядев, как идет торг у его бывшей спутницы, разразился шипящими проклятиями и, в конце концов, сам скупил у нее оставшиеся ленты и стекляшки. Еще и предложил постоять у него под тентами продавцом, но Арма ограничилась обещанием подумать об этом. Теперь у нее остался небольшой мешок за спиной да посох, который она не выпускала из рук, хотя и не слишком опиралась на него при ходьбе.

Вторую половину дня Арма провела в очереди из заплаканных женщин, которые стояли у дозора стражи с передачами, потолкалась в редкой толпе кликальщиц, вся забота которых была добиться прохода к черному колодцу в центре развалин, чтобы выкликнуть родного человека: если отзовется, каждая могла получить ярлык родни заключенного да право на передачу. Хотя, как жаловались женщины, всякий раз откликался кто-то, да не тот, кто нужен. Арма стояла среди них молча, капюшон бурнуса скрывал ее лицо, но синева глаз нет-нет да проглядывала из тени. И ни в одной, ни в другой очереди Арма не достояла до срока, разворачивалась и уходила, не отвечая ни на вопросы, ни на оклики. Вечером, когда начал спускаться длинный северный сумрак, молодая женщина провела лошадь, убедилась, что не обманулась в загонщике, подбросила ему монету и отправилась к большим шатрам, где за медную мелочь можно было найти кров. Шатер она выбрала из тех, что победнее, и спать улеглась среди отбившихся от родов степняков и караванных служек, правда, предварительно обрызгавшись каким-то составом от паразитов. Ранним утром ее уже не было, поэтому никто из заспанных бородачей так и не понял, кто лежал на боку в пяди от их потных тел и чей запах сусальной золотинкой пробивается сквозь вонь какой-то ядовитой травы.

Второй день в Асане отличался от первого только тем, что Арма уже не торговала с утра лентами на рынке, а молча ходила между рядами, рассматривая товар, шупая кожу и ткани, чеканку и литье, гончарку и резьбу по дереву, кости и камню. И слушала, слушала, слушала, замирая порой возле такого торговца, который и вовсе ни слова наяву не молвил. К вечеру она, кажется, обошла не только все торжище, но и каждую улицу Асаны, зашла в каждый степной навес-трактир, даже постояла у вонючих выгребных ям, куда сбрасывались не только нечистоты, но и падаль. И всюду едва различимой тенью за ней следовал остроносый Шалигай. Таился за пологам, прижимался к шестам, на которых сушились после зимней затхлости войлоки, прятался среди лошадей у коновязи, менял накидки, повязывал на плечи серые кетские платки, то хромал, то изображал пьянчугу. Всякий, кто пригляделся бы к остроносому, решил бы, что хиланец не в себе и уж точно не тот, кем он кажется. Но забот у лапани в Асане было столько, что в суму не уложишь, а уложишь – бечевы не хватит перетянуть, так что никто на остроносого не смотрел. К тому же и без него хватало и пьянчуг, и хромых, и остроносых, и скрывающихся то ли от дозоров, то ли от разъяренных жен. Точно так же и Арма, которая от вечерней прохлады куталась в темно-синий платок, ни разу не обернулась, чтобы рассмотреть остроносого, но уже в сумерках звякнула медяками у очередного постоялого шатра, накинув капюшон на лицо, нырнула за полог и, пробираясь между похрапывающими и бормочущими что-то путниками или степными бродягами, словно случайно задула тусклую лампу. Сидевший у полога дозорный разразился проклятиями, выглянул наружу, снял вторую лампу с шеста, тор-

чащего у входа, и пошел перешагивать через спящих, чтобы восстановить освещение. Верно, нужно было проявить недюжинную сноровку, чтобы не только успеть за секунды добежать до противоположного края шатра, вскрыть войлок острым ножом вдоль земли и выкатиться наружу, но и ни на кого не наступить при этом, да еще и набросить синий платок на тонкокостного доходягу в почти таком же буннусе, что скрывал и Арму. Остроносый заглянул в шатер сразу же, как дозорный вернулся к пологу. Прищурился, разглядел синий платок на доходяге, который как раз шевелился в отдалении, накручивая на себя нечаянное тепло, и бросил дозорному медяк, чтобы устроиться на ночлег тут же.

Арма тем временем быстрым, но неслышным шагом шла к развалинам. Улицы шатрового города уже вовсе опустились в темноту – мутную, как туман, от горящих костров и ламп на широких улицах и перекрестках, и непроглядную между шатрами. В одну из этих темней Арма и шагнула. Сняла с плеча мешок, достала стянутый сукном сверток, развернула его и в полной темноте, на ощупь, в минуту собрала небольшой самострел с закутанными тканью стальными рогами, защелкой, стопором. Наложила стрелу, взвела механизм, затем отложила самострел в сторону, очертила вокруг себя ножом круг, вытянула в стороны руки, растопырила пальцы, зашептала, зашелестела диковинными словами и словно потянула из темноты сонных светляков, окунув ноготки в мерцающее молоко, и поднесла к глазам. Затем поднялась, прислушалась к далекому грохоту медной тарелки, в которую каждый час ударял ночной соглядатай, вставила посох в нашедшиеся под буннусом петельки, заровняла ногой круг, подняла самострел и пошла по темной улочке так, словно белый день стоял над Асаной.

Миновала два дозора, стерегущие площадь. Миновала шатры старейшин, возле которых горело сразу четыре костра и слышалось заунывное, но, к счастью, негромкое лапаньское пение. Остановилась на минуту у большого серого шатра, внутри которого слышалось всхрапывание не менее четырех лошадей и беспокойное дыхание двоих мужчин. Кивнула чему-то и двинулась к северной части площади, где и костров было меньше, и шатры стояли победнее. Отдалившись от площади, миновав две улочки, вдруг развернулась. Мягко, почти неслышно щелкнул укутанный тканью самострел, раздался сдавленный хрип, и рядом – в десяти шагах – что-то упало. Арма шагнула к войлочному жилищу, сдвинула висевший на бечеве полог, наклонилась, наступила коленом хрипящему человеку на грудь, ударила его ножом. Потом вытащила из обмякшего тела стрелу, вытерла ее об одежду, вставила в рану другой нож – обычный, лапаньский, с полустертой родовой меткой, быстро обыскала убитого, сорвала с его шеи ярлык.

Не прошло и пяти минут, как Арма уже ползла в сторону развалин. Ползла с темной стороны, там, где глухая стена возвышалась на десяток локтей. Остановилась в десяти шагах от древней стены, присмотрелась к ее оголовку и начала медленно, неслышно раскутывать рога самострела. Цель маячила высоко, а ткань забирала у оружия часть силы. К тому времени, как над ночной Асаной должен был раздаться очередной удар соглядатай в медь, самострел был готов к выстрелу. Его щелчок раздался одновременно с грохотом, и еще не рассеялся медный гул, как тело лапаньского стражника рухнуло со стены. Добывать стражника не пришлось. Но и у стены стрелу заменил обычный лапаньский нож.

Арма обыскала тело, огляделась, как будто могла что-то видеть в кромешной темноте, и медленно поползла прочь от развалин. Уже через десять минут она стояла у загона, где смотритель принял у нее несколько серебряных монет и вернул взнузданную лошадь.

– Хлеб, вода, вино, сушеные фрукты, соль, вяленая рыба, соленое мясо, – проговорил он негромко. – Копыта подвязаны войлоком. Хотя, если лапани не будит звон медной тарелки, что им от стука копыт? Куда теперь, красавица?

– К дому, – ответила она неопределенно.

– Ночь? – покачал головой лапани. – А не боишься ночных песков? Волки голодны в эту пору.

– Я сама как волчица, – улыбнулась Арма и взлетела в седло. Потом наклонилась и прошептала негромко старику: – Не мучь себя. По делам я была в Асане, по делам. Завершила, пора и домой.

– Кровью от тебя пахнет, красавица, – вдруг буркнул лапани.

– Кровью? – задумалась Арма, потрогала нож на поясе, но вытаскивать его не стала, выговорила медленно: – То кровь мерзавцев, старик. Не стоит их жалеть.

– До Гимы три сотни лиг, – усомнился лапани. – Успеешь уйти?

– У меня хорошая лошадь, – засмеялась Арма.

Она рассекла веревочную преграду на четверть лиги севернее главного дозора и мытарской. Пару лиг придерживала лошадь, прислушиваясь к звукам Асаны. Потом спешила, сняла с копыт войлоковки, снова запрыгнула в седло, пустила лошадь рысью. Знакомая даже в темноте тропа понемногу забирала в предгорья. Триста лиг до Гимы. Многовато против быстрых лапаньских верблюдов. Да и лошади у степняков тоже имелись. Хорошие лошади. К тому же кто сказал, что гимские старцы покроют убийцу?

Утром, когда тропа выбралась на каменистое плоскогорье, Арма повернула к северу.

Глава 2

Побег

В подземелье Асаны всегда было темно, но когда садилось солнце, над колодцем центрального провала, днем через который все-таки падал тусклый свет, раздавался клич старшего дозорного, который разносился далеко по подземным коридорам:

– День прожит!

На стенах каменного закутка слабо мерцали липучие грибы. Есть их было нельзя, но привыкшим к темноте глазам мерцания хватало, чтобы видеть. Хотя, по слухам, некоторые из обитателей подземелий вовсе обходились без света. Меченый так уж точно.

Сарлата покосился на сидевшего в пяти шагах от него узника. Тот был недвижим и как будто расслаблен. Глаза закрыты, ладони на коленях, спина прямая, словно лапаньские стражники забили Меченому в задницу дротик, но так ведь не забили. Ему забьешь, как же. Кое-кого обманула вот эта расслабленность, был бы поумнее теканец, все подземелье вплоть до верхнего яруса, где хранили богатства старейшины лапани и располагались стражники, под себя подмял бы. Но нет. И себя пригнуть не дал, но и в пригибщики записываться отказался. Неужели и впрямь спустился он в подземелья Асаны только ради того, чтобы забрать у Сарлаты диковинный каменный нож? Или есть у него и еще какая-то задумка? Не хочется отдавать, не хочется. Ну, так чем он рискует? Нож не здесь, нож в логове у перевала. А там дружки Сарлаты, не все, но дюжина всегда должна оставаться в потаенном месте, там уже не Меченый будет первым слово молвить, а сам Сарлата, и никто иной. К тому же все одно, Меченый первым должен свою плату выставить – вытащить Сарлату из подземелья, а уж там видно будет, кому как кости лягут. И все-таки отчего-то холодило нутро Сарлаты. С самого первого дня, как увидел он Меченого, ходил как с куском льда в кишках.

– Сегодня ночью, – наконец выдохнул Меченый.

Сарлата вздрогнул. Уже неделю всякий раз, когда слышал тихий голос Меченого, вздрагивал, и ненавидел за эту дрожь и себя, а пуще всего Меченого.

– Ты же сказал, что опасность наверху? – спросил Сарлата.

– Была и исчезла, – пробормотал Меченый и открыл глаза, густой зеленый цвет которых можно было различить даже в сумраке. – Чувствую, что исчезла. Поэтому – сегодня. Впрочем, так и так пошли бы. Пора.

– И нас будут ждать? – уточнил Сарлата.

– Будут, – кивнул Меченый.

– А если бы ты застрял тут на весь срок? – оскалил зубы Сарлата.

– Сколько надо, столько и будут, – снова закрыл глаза Меченый. – Готовься. Скоро.

– Слушай, – Сарлата поежился, – а ты точно не тот умелец? Ну, не охотник с зелеными глазами? Слышал я байки, что был такой во время Пагубы. А? Много он натворил всякого, а потом вроде пропал куда? Хотя была тут недавно какая-то возня с Запретной долиной? Опять он?

– А тебе какая разница? – спросил Меченый и после недолгого молчания добавил: – Я тогда был еще ребенком. Почти пятнадцать лет прошло с Пагубы.

И то правда. Сколько лет Меченому? На вид меньше тридцати. Много меньше. Двадцать пять? Кожа молодая, руки крепкие, колени здоровые. С другой стороны – тонкие морщины на лбу, едва приметный шрам, паутина у глаз, сухие скулы... Кто его знает... Никогда не отвечает ни на какие вопросы о себе самом. Даже имени так и не назвал. Меченым уже в подземелье окрестили, когда стражники спустили его с верхнего яруса голым, с исполосованной бичом спиной, на которой только в одном месте не было крови – на сером пятне в форме треуголь-

ника от левого плеча до загривка и до основания левой лопатки. Спустили, вытянули веревку наверх, бросили ветхую одежку, выстроились по краю пролома – и стражникам интересно, как новичка ломают.

– Лошадь украл! – донесся сверху крик старшины. – Сто плетей и три месяца подземелья!

Загудел народец сразу. Послышалось Сарлате даже, что кое-кто знал Меченого, вроде как бродил этакий странник по окраинным стойбищам, со стариками говорил, все искал чего-то. Много лет искал. Так не каменный ли нож Сарлаты он искал? Три месяца, выходит? Так некоторые и в неделю подыхали. Хотя чего делать-то в подземелье? Сиди, жди, когда будут передачи сбрасывать, откликайся на любой бабский зов, лови порченное зерно, чтобы живот набить, да слизывай воду со стен. Кутайся в тряпье – и летом, и зимой холод под землей. А хочешь, копайся в нижних пределах, таскай песок, чисти ходы. Вот оно ведро на веревке, висит в пяти локтях над грязным полом, кричи, стражники спустят. Сыпь набранный в собственную рубаху песок в ведро, называй имя, десять тысяч ведер – и ты свободен. А уж если найдешь что ценное... то не выйдешь из подземелья никогда.

Те, кто правит в темноте, убийцы и отъявленные мерзавцы, заберут находку себе да еще шкурку твою попортят. Многих из них Сарлата мог порезать на куски и двоих-троих разорвал бы голыми руками, но не резон ему был красоваться перед толпой, еще узнает кто в седом здоровяке с кошачьими повадками знаменитого убийцу, главу пустынных разбойников, самого разорвут на части, даже здесь, под землей, много было обиженных, много. Как знал о возможной беде Сарлата, когда начал закутывать лицо тряпьем, с самого первого разбоя так и прослыл Безлицым. Но здесь, в подземелье Асаны, лицо не закутаешь. Хорошо еще, что Сарлата знал, как себя повести, какие слова сказать, на что намекнуть, быстро отстали. А если бы всерьез стали проверять на прочность? Устоял бы он, как устоял Меченый? Сдох бы, наверное. Устоял бы, но сдох. Потому как только Меченый спит и словно во сне видит вокруг себя, глаза открывает, стоит шевельнуться. Но и он тоже за недолгое время, что провел в подземелье, побледнел, носом начал шуметь, пот со лба смахивать. И Сарлата сдохнет, если не выберется наверх, от сырости грудь кашель на части рвет. Попался в руки лапаньской стражи спьяну, да с чужим мечом – легко отделался, получил год подземелья, можно продержаться, подбрасывают дружки время от времени нормальной еды. Но тяжело. Всего-то проторчал семь месяцев в темноте, и вот уже не только проклятый кашель, но и руки трясутся, и живот пучит, и в ушах звон. За семь месяцев и Меченый бы пополам скрючился, если он за два месяца сдавать начал. И все-таки силен он, не так, как Сарлата перед поимкой, мало кто мог с седым сравняться, но силен. А ведь когда появился впервые, многим показался тщедушным – ни тебе живота, ни жирка на боках, что от сытой жизни да излишка силы приключается. Ну, жилистый, плотный, так и плотнее на части рвали. Или просто так в нижних галереях человечьи кости под ногами попадают? Свежие кости, свежие. Но Меченый жирным не был, оттого и интерес к нему был другой. Оттого и послали к нему сначала такого же. Жилистого, быстрого, верткого как змея, выходца из вольных. Редкого мерзавца. Тот подошел к Меченому, что не спеша зашнуровывал порты, подбоченился, сплюнул на босые ноги новичка, спросил громко, так, чтобы и зрители наверху слышали:

– В отхожем месте, что ли, заснул, приятель? Откуда пятнышко на спине?

Меченый не ответил. Огляделся, стоя в кругу бледного света. Увидел, теперь-то Сарлата точно уверен, что увидел несколько сотен пар глаз, смотрящих на него из мрака, но даже жестом не выдал испуга. Прихватил узлом бечеву в портах, сунул ноги в странные, похожие на связанные из обрывков старых ремней сандалии, накинул на плечи рубаху. Смелый? Ничего, и не такие пугались. Береги одежду, бедолага. В ней тебе теперь и спать, и жрать, и гадить, и обгаживаться, и от холода спасаться, и от жары. И кровавые сопли в нее же сморкать.

– Ты глухой или немой? – удивился жилистый, приблизился на шаг, спрятал в руке осколок сосуда, перемотанный с одного края рваньем. – Рот открой. Или тебе уши расковырять?

– Уши, – холодно бросил Меченый и в следующее мгновение поймал выкинутую вперед руку со стекляшкой, до странности легко переломил ее в локте и пресек жалобный вой жилистого точным ударом в висок его же оружием.

Стражники наверху довольно загудели. А с той стороны, где стояли древние, вытащенные из нижних ярусов скамьи, раздался возмущенный рев, и на свет вывалился верзила Бешеный, покровитель жилистого. Верно, убитый был для огромного, ростом под пять локтей, да весом, которого бы хватило на троих, убийцы не только служкой, но и телесным утешением. В ручищах у Бешеного дрожал выломанный из какой-то решетки железный стержень длиной в полтора локтя с заточкой на конце. Взлетело оружие над Меченым так, словно молния сверкнула. Сарлата готов был поклясться, что сейчас голова наглеца лопнет, как яблоко под копытом коня, но голова не лопнула. Новичок даже не стал вытаскивать из головы жилистого стекляшку. Быстро, неуловимо быстро шагнул в сторону, пропустил удар верзилы мимо и подлюмил тело здоровяка ударом по его же голени. И уж как успел подправить стержень, зажатый в руке верзилы, – неизвестно, только пригвоздил сам себя Бешеный к грязному полу намертво – вырвался острый конец из могучей спины с клоком окровавленной плоти.

А потом Меченый сделал то, чего от него не ждал никто, а уж тем более степняки, которых было в подземелье не менее половины. Он поклонился на четыре стороны, опустился на ноги, распустил только что затянутый ворох рубахи и расставил в стороны руки.

Всё. Теперь убить Меченого можно было только в честной схватке. Он вызвал каждого, кто хочет свести с ним счеты. Вызвал на схватку один на один. Об этом говорил ворот, распущенный на одну завязку. А расставленные руки говорили о том, что ни на кого из тех, кто сейчас смотрит на него из сумрака, Меченый зла не держит. Понятно, что его все равно должны были убить. Из-за угла, в темноте, в толпе, на раздаче гнилого зерна. Ткнул в спину, ищи – кто сделал, но вот так, прямо при всех – значит, покрыть себя позором. Да и тайком – дознаются, уничтожат свои же. Да кто дознается? Все равно убьют наглеца.

Но не убили.

Тогда Меченый словно растворился. Подземелье большое. Здание, что торчало оголовком над шатрами Асаны, под землей разбегалось в стороны на сотни шагов, пусть даже большая часть помещений была обрушена, распадалось на десяток ярусов, на нижних вода стояла. Ходили даже слухи, что есть уже ходы и в соседние здания, которые вовсе не показывались над песком. Было где затеряться сотням заключенных. Страшные дела творились в укромных закутках, но в еще большей части укрытий не происходило ничего – один надсадный кашель и медленное угасание. Была такая нора и у Сарлаты. Туда Меченый и пришел с неделю назад.

Ударил ногой о пролом в стене, дождался раздраженного кашля хозяина норы, сдвинул гнилой полог, вошел внутрь. Сел напротив так же, как сидит теперь рядом.

– Ты все еще жив, новичок? – удивился Сарлата. – Я ни разу не видел тебя на раздаче зерна.

– Да, – кивнул Меченый. – На раздаче – самое опасное место. Но я справляюсь. Немного врачую. Иногда могу дать дельный совет. Я здесь поэтому, кстати. Совет тебе хочу дать и дело у меня к тебе, Тихий. Ведь тебя тут так зовут?

– Тихий? – нехорошо засмеялся Сарлата и снова закашлялся, схватился за грудь, все-таки камень и сырость после сухих ветров Холодных песков – не лучший выбор. Как же его угораздило напиться тогда? Если бы хоть кто-то из стражников узнал, что он не простой воришка, а главарь своры из полусотни головорезов, промышляющих на зимних пастбищах, а то и уходящих на Вольные земли, его бы сбросили в пролом не на год, а навсегда. Да не живым, а порубленным на куски. Интересно, что за дело может быть к нему у этого отчаянного храбреца?

Когда Сарлата откашлялся, Меченый негромко проговорил:

– Сейчас я кое-что скажу тебе, приятель, только ты держи себя в руках. Нет, именно себя. А заточку, что у тебя в левом рукаве, оставь в покое. Я не собираюсь причинять тебе вреда. Пока не собираюсь. Но придется, если ты этого захочешь.

Сарлата медленно отпустил сырой рукав куртки. Кто бы ему сказал полгода назад, что он откажется пощекотать сталью опасного человека только потому, что не будет уверен, что окажется достаточно быстр?

– Так-то лучше, – кивнул Меченый. – Я знаю, кто ты, Тихий. И готов звать тебя именно так. Но на самом деле тебя зовут Сарлата. Спокойнее, спокойнее. Ты порядочный мерзавец, под твоей рукой пятьдесят всадников. Они изредка балуются разбоем на горных пастбищах, но чаще всего уходят на юг, к перевалам Дикого леса, к истоку Блестянки, и резвятся в Вольных землях. Сейчас они без главаря, но еще не разбежались. Залегли по норам. Ты их крепко держишь. Чем?

– Убиваю, когда хочу убить, – подавил кашель Сарлата. – Никогда не сомневаюсь ни в чем.

– Теперь сомневаешься, – не согласился Меченый. – Ладно. В другое время я с удовольствием прикончил бы тебя, но сейчас у меня к тебе есть дело.

– Как ты узнал? – отдышался Сарлата.

– Полгода поисков там, – мотнул головой вверх Меченый. – Полтора месяца разговоров здесь. Ты еще не понял? Я не крал лошадь, Тихий. Я сделал вид. И только для того, чтобы встретиться с тобой.

– И сто плетей на спину принял поэтому? – вдруг почувствовав облегчение, усмехнулся Сарлата.

– Это издержки, – поморщился Меченый. – Хотя удовольствия мне это не доставило.

– Чего ты хочешь?

– Каменный нож, – твердо сказал Меченой. – Нож, вырезанный из черного камня, с зазубренным лезвием и вкраплением белой породы на клинке. У ножа костяная гарда, когда-то был и шнур. Ты нашел его на северном пастбище. Еще мальчишкой. Этот нож мне нужен.

– Не ты ли его потерял? – оскалился Сарлата.

– Не я, – ответил Меченый. – Но тебе, Сарлата, лучше не знать, кто его потерял.

«Не отдам, – подумал Сарлата. – Выберусь, зубами буду грызть, но не отдам. Меченого этого на части порежу».

– Гарды нет, – после долгой паузы сказал Сарлата. – Только полоска окаменевшей кости. Обломила гарда. Тысячи лет назад обломила. Так что не можешь ты знать, кто потерял его, Меченый.

– Я ведь не спорить с тобой сюда спустился, – скривил губы Меченый.

– Спустился? – закашлялся на этот раз от смеха Сарлата. – Видел я, как ты спустился. По лестнице сошел? Не отдам я тебе каменный клинок. В нем моя сила. Моя удача. Пока он был со мной, никакая тварь не могла ничего против меня сделать. А как спрятал я его в укромном месте, так и здесь оказался.

– Может быть, – кивнул Меченый. – Только удача удаче рознь. Сейчас твоя удача я. согласишься отдать клинок, я тебя достану отсюда. Не согласишься – сдохнешь. Скоро ведь кровью начнешь кашлять. Или уже?

Сарлата с трудом сглотнул, стиснул кулаки.

– А если не сдохну? Мне пять месяцев осталось. Протяну как-нибудь. Лето скоро. Потеплеет немного, выдержу.

– Потеплеет, – кивнул Меченый. – И выберешься ты под осень наверх плюющим кровью скелетом. Говоришь, что не сомневаешься, когда убивать надо? Как думаешь, а не отыщется ли в твоей своре кто-нибудь такой же несомневающийся?

– Схоронюсь, – прошипел Скарлата. – Укроюсь. Приду в себя. Залечу болячки. Тогда и посмотрим. Пять месяцев осталось продержаться.

– Не продержишься, – громко, очень громко прошептал Меченый. – Убьют тебя.

– Кто? – не понял Скарлата.

– Кто-нибудь, – усмехнулся Меченый. – Я пока искал тебя, десятка три нашел молодцов здесь, у которых твоими подручными ограблены да убиты родные. И из этих трех десятков половина ночами видит сны, в которых режут тебя на части. Стоит назвать твое имя...

Тогда Скарлата стиснул челюсти так, что зуб у него раскрошился, но за заточку не схватился. Если бы не этот кашель, да не слабость, что пронизывала все тело, точно бы проткнул Меченому печень. Было время, никого не было быстрее в песках, чем Скарлата. Ничего, главное выбраться наверх.

– Когда? – прошептал, сплевывая крошки зуба, Скарлата.

– В течение недели, – сказал Меченый. – Наверху есть кто-то опасный, ждет побег. Думаю, кто-то из твоих дружков нанял стражника, чтобы не дать тебе убежать. Или кто-то из старейшин прознал про тебя, но мстью делиться с другими не хочет. Но мы дождемся хорошей смены и уйдем.

– И как же? – поморщился Скарлата.

– Увидишь, – твердо сказал Меченый и ушел, чтобы возвращаться к Скарлате каждую ночь и прислушиваться к звукам подземелья.

И вот прошла неделя.

– Сегодня ночью, – сказал Меченый, но остался сидеть, словно лестницу ему должны были спустить прямо к ногам.

– Скоро? – прохрипел Скарлата.

– Через пару часов, – ответил Меченый. – Вот только доходяги, которые зерно собирают, расплзутся по норам, так и сразу. Да ты не волнуйся, нас двое ждут. Один мой человек, другой – твой. Это чтобы тебе спокойнее выбиралось.

– Кто мой? – спросил Скарлата.

– Помощник твой, Тарх. Знаешь такого? Хитрец, но верный хитрец. Ждать тебя согласился, а ни как выглядишь ты, ни какого роста, ничего не сказал. Или ты и перед ним заматывал лицо платком?

– А прочие? – снова закашлялся Скарлата.

Тарх его порадовал. Если и стоило кому-то доверять в его своре, то только Тарху. Остальные – как волки, только дай слабинку, сразу же разорвут.

– Я им не сторож, – сухо бросил Меченый. – И Тарха твоего месяц разыскивал, да еще уговаривал с неделю. Вот, держи.

Он надорвал ворот рубахи, вытащил оттуда тонкую кожаную полоску.

– Что это? – не понял Скарлата, морщась от резкого сладковатого запаха.

– За щеку и жуй, – пояснил Меченый. – Это мездра обычной выделки, но пропитана травяным отваром. Правильным отваром. На половину ночи голову прояснит, а главное – кашель перебьет. Конечно, есть и другой способ – ударить тебя по башке да вынести бесчувственного, но высокогато, могу не справиться. И вот еще что, как выйдем к провалу – ни вздоха, ни звука. Понял?

– Понял, – снова закашлялся разбойник.

Они вышли к провалу, наполненному почти непроглядной тьмой, через час. Скарлата и в самом деле перестал кашлять. Сладость поселилась в горле и словно прочистила глотку. Меченый, который шел первым, выставил назад руку, придержал Скарлату, замер. В центре провала клевал носом сторожок, наверное, был выставлен кем-то из подземных правителей. Скарлата поморщился. И что теперь делать? Убивать? Так шума будет на все подземелье. Только если

сначала его, а потом сразу себя. Меченый добрался до сторожка в два прыжка, наклонился, припал к плечу доходяги, сделал резкое движение руками и так же беззвучно опустил бездыханное тело на пол.

«Теперь обратного пути точно нет, – понял Сарлата. – А удастся ли еще выбраться наружу?»

Не прошло и минуты, как Меченый выволок откуда-то короткую веревку, сплетенную из гнилого тряпья, подергал ее, потом перехватил петлей Сарлату под мышками, оставил свободный конец у него на плече. Показал жестами, что поднимется первым, потом вытянет наверх Сарлату. Тот поднял взгляд. На фоне черноты окружающих галерей пятно провала казалось серым, и в этой серости подрагивало ведро. Можно подпрыгнуть и ударить по его дну, тогда стражники будут готовы поднять наверх песок. Но это днем, а ночью... Что собирается делать Меченый? Неужели там наверху нет никого, кто сбросил бы канат? Или он рассчитывает забраться наверх по этой веревке? На три десятка локтей? По прочной, но очень тонкой веревке, которая и сама по себе готова разрезать руку до кости, да еще смазана маслом, да проплетена резаной стальной проволокой? Были, говорят, попытки выбраться по ней, но все закончилось разодранными до кости ладонями, ногами и еще кое-чем. Что ж такое, выходит, все сказанное Меченым было насмешкой?

Меченый вытянулся, поднялся на носках и коснулся донца ведра, качнул его, прислушался. Затем неслышно прыгнул, ухватился за канат над рукоятью ведра, повис на одной руке, извлек второй рукой откуда-то из рукава настоящий нож и срезал ведро. Оно должно было неминуемо упасть и загреметь на утоптанном полу провала, но Меченый присел, как кошка, поймал ведро на лету и осторожно отставил его в сторону. Свобода в виде ошетилившегося сталью конца веревки поднялась еще на локоть. Недостижимая свобода. И на ладонях Меченого блеснула уже кровь.

Меченый убрал нож за пояс, взял конец веревки с плеча Сарлаты, сунул его в зубы, снова шагнул к пыточному устройству.

«Сумасшедший, – подумал Сарлата. – Но каменный нож, кажется, ему и в самом деле очень нужен. Не дам. Если сумею не дать. Убивать его придется. Точно, убивать. Или он меня».

В этот раз прыжок был выше, и все-таки рука Меченого скользнула по стальным шипам, потому что в провале прошелестел сдавленный стон, но ловкач удержался над полом. Повисел пару секунд, потом медленно поднялся на локоть, еще на локоть, отпустил одну руку и ловко соединил две веревки между собой, прихватив их узлом. Снова спрыгнул.

«А теперь наверху появятся его приятели и будут нас вытягивать одного за другим, – решил Сарлата. – Или я ничего не понимаю».

Приятелей Меченый явно не ждал. Сарлата понял это уже через секунду, когда его проводник разулся, снял с ног те самые драные сандалии, надел их на руки и ловко перетянул получившиеся накладки ремнями на запястьях. Интересно, а на ноги он что наденет?

На ноги Меченый надевать ничего не стал. Вместо этого он пошевелил закутанными в кожу ладонями, замер на мгновение, бормоча что-то неслышное про себя, затем взялся за веревку одной рукой, другой, а затем начал резво перехватывать сначала самодельную веревку, потом веревку стражи, пошел вверх, да так быстро, что Сарлата только покачал головой – цены бы не было в своре такому умельцу. Не прошло и минуты, как наверху чуть слышно загудело колесо лебедки, веревка натянулась, перетянула Сарлате грудь, оторвала его от пола и потащила вверх.

Наверху Меченый уже был вновь обут в те же самые сандалии. Он вытянул над провалом руку, поймал Сарлату за грудки и с некоторым усилием затащил недавнего здоровяка на галерею. Сарлата прищурился, вглядываясь в полумрак, втянул ноздрями воздух, в котором было меньше привычной вони. Кто бы мог подумать? Вот они, поблескивают ковкой железные двери, за которыми, как некоторые считают, таится богатство лапани. Смотри, Сарлата,

смотри. Может быть, придется еще сюда вернуться? Надо только с Меченым разобраться. Но не теперь, чуть позже. Если еще удастся вырваться наружу. Ночью на галерее никого нет, но двери на выходе уж больно прочны! Самые тяжелые двери с затейливыми замками. Сарлата запомнил их, когда его волокли в узилище.

Меченый снял с туловища Сарлаты веревку, отвязал ее, смотал, забросил на плечо, махнул рукой и, как будто прислушиваясь, неслышно двинулся вдоль хранилищ. Сарлата покоился на бледный квадрат провала над головой. Никогда не спускалась над Салпой кромешная тьма, разве только тяжелые тучи могли прикрыть даже ночью едва заметно мерцающий небосвод. Но сейчас Сарлата призывал тьму. Хотя может быть, это и была тьма, и лишь его глаза, привыкшие обходиться без света, могли разглядеть свет ночного неба?

Неожиданно Меченый остановился, но не у выхода, а у одной из дверей. Присел, вытащил что-то из-за пояса, вставил в скважину, сделал одно движение, другое, придержал дверь и медленно, очень медленно потянул ее на себя. Сарлата затаил дыхание. Воистину Меченый был подобен золотому самородку. Да в любом из хранилищ лапани, в сокровищнице любого из родов лежало столько ценностей, что хватило бы и Сарлате, и всей его своре на долгую праздную и счастливую жизнь в богатом особняке где-нибудь на берегу моря. Нет, прежде чем убивать Меченого, нужно очень хорошо подумать. Очень хорошо. А ведь за вот это его умение можно было бы поступиться и каменным ножом! Неужели удастся не только уйти, но и добычу какую прихватить?

Меченый словно услышал мысли Сарлаты. Обернулся, замотал головой, беззвучно исчез за дверью. Вернулся через секунд пять, сжимая в руках вырезанную из камня фигурку – странного человечка ростом с локоть – с короткими ногами, длинными руками и головой, выдающейся вперед, словно шея росла из тела уродца не вверх, а вперед. Насколько Сарлата мог разглядеть в полумраке, неумелой была скульптурка. Фигурки предков, что резали из камня умельцы на рынке Асаны, били качеством уродца с одного взгляда. Что же получается, Меченый помешался на каменных штучках? Так, может быть, весь секрет в том, что он дурак? Рассмеялся проводник, растянул губы в стороны, отсек ножом два локтя веревки, прихватил да закинул за спину фигурку, снова показал белые зубы и с издевкой, точно с издевкой, прошепестел в лицо Сарлате:

– На память.

А потом шутя, за секунды расправился с замком на главных дверях, да еще и замкнуть его за собой не забыл.

На внешней галерее развалин было пустынно. Дозорные на ночь уходили наружу, Сарлата знал об этом. Дурной славой пользовались развалины у лапани, которые поклонялись мертвым, чтити ушедших в Пустоту предков. Но то свои мертвые, а то чужие. Да и мертвый мертвому рознь. Слишком много мертвых скопилось в подземельях Асаны, и каких мертвых. Поэтому ночью на развалинах не было никого. Глупцы. Уж кто-кто, а Сарлата знал, что бояться следовало живых.

Под ногами Меченого не хрустнул ни один камешек. Сарлата, вспоминая прежние навыки, на ходу разминая руки, старался не отставать от проводника. Вот за спиной осталась главная галерея, вот мелькнули в проломах костры стражи. Весенний ветер кружил голову. Неужели близится к концу заточение?

Меченый бесшумно поднялся на второй ярус, пригибаясь, чтобы не выдать себя силуэтом, добрался до северной стены, долго смотрел вниз. Потом накинуд веревку на выступ стены, скользнул вниз. Когда Сарлата последовал за ним, Меченый сидел над бездыханным телом в одежде стражника. Судя по всему, тот был убит пару часов назад.

«Вот и бывшая опасность», – подумал Сарлата и посмотрел на Меченого. Он не мог разглядеть черт лица проводника, видел только силуэт, но ему показалось, что тот недоумевает.

«Нет, – мотнул головой Меченый, давая знать, что это сделал не он и не его люди, и махнул рукой – не отставай».

Каждый шаг и свежий весенний ветер словно прибавляли Сарлате силы. Вот он скользнул вслед за Меченым под веревочным ограждением, вот миновал одну темную улочку, другую, удивляясь, как Меченый не спотыкается о вынесенную из шатров утварь, в темноте он видит, что ли, и вот наконец блеснул тусклый свет за одним из пологов. Через секунду Сарлата увидел напряженное, тут же расплывшееся в улыбке лицо старого приятеля – Тарха, и поймал уздцы лошади.

– В седла будем садиться за границей города, – прошипел ему на ухо Меченый. – Копыта у лошадок подвязаны тряпьем, уходим на восток.

– Куда ж на восток-то? – обомлел Сарлата. – Тогда уж на юг или на северо-запад, к горам. Вообще надо к Гиме бежать, здесь нас везде достанут. А на востоке верная смерть. Ни колодцев, ничего на полторы сотни лиг. Каменная пустыня!

– Зато искать нас там не будут, – ответил Меченый.

Нет, спорить с Меченым Сарлата не собирался. Если чья-то лошадь хорошо тащит, нечего спорить, надо за стремя хвататься. Пока спорить не собирался. Вот силенок поднакопит, посмотрит, как Тарх себя чувствует, да что за помощник у Меченого, на первый взгляд вроде как мальчишка лет десяти, там и определится, как и когда убивать ловкача. А убивать его придется непременно. И не из-за пустыни, умеючи и из пустыни можно выход найти. Нет, из-за холода опасности, который снова пополз по загравке Сарлаты.

Однако Тарх с помощником Меченого времени зря не теряли. Да и Меченый знал Асану неплохо. Нашел дорогу к краю города, обходя и костры и дозоры. Вывел крохотный отряд за бархан, перышком взлетел в седло, поторопил коня в темноту. И Сарлата за ним. А что было делать? Если пошла везуха да понесла на спине, к чему спрыгивать? А ведь и в самом деле мог сгнить до срока в подземелье. Нет, теперь надолго в Асану ни ногой. Есть золотишко, есть. Припрятано немного. Даже Такш о нем не знает. Только отлежаться да в силу войти. Отлежаться да в силу войти.

Кашель навалился на Сарлату уже на рассвете. Барханы остались позади, где-то в полусотне лиг начались знаменитые Мертвые скалы, куда даже зимой не всякий готов был повернуть коня, кости незадачливых путешественников столетиями лежали под открытым небом. Сарлата правил коня вторым и то и дело оглядывался на помощника Меченого, которым оказался всамделишный малла – с круглым лицом, носом-клубеньком, округлыми бровями и рыжеватым ежиком волос на приплюснутой голове. Малорослый тати даже и не пытался достать до стремян, которых на его лошади вовсе не было. Вместо этого он засовывал сапоги в какие-то самодельные петли, подгибал, считай, что обратно к седлу, но лошадью управлял мастерски. Немало вот таких же круглоголовых Сарлата порубил лично. Сам забирался на последние дубы на западных склонах Восточных Ребер, даже велел как-то прозывать себя маллским бортником. Но тати вряд ли знал об этом, иначе давно бы уже всадил нож в спину врагу – мстительны малла, ой как мстительны. Его вместе с Меченым надо будет прикончить, только бы добраться до логова. Да не сдохнуть. Кашель этот...

Он вдруг начал выворачивать Сарлату наизнанку. Разбойник придержал лошадь, сполз с седла и, упав на колени, начал задыхаться,дохать, плевать.

– Ничего страшного, – придержал коня Меченый. – Крови нет, значит, все обойдется. Просто действие снадобья закончилось, теперь нужно лечиться по-настоящему. Но первый привал будет лиг через двадцать, так что пока хлебни вот этого. – Он бросил Сарлате фляжку.

– Что тут? – спросил тот.

– Зверская настойка, – усмехнулся Меченый. – Кетская огненная водичка, чеснок, можжевельная ягода, речная трава. Пей, потом ляжешь на шею коня, пропотеешь на ходу. А там уж и поспишь немного. Часа три у нас будет. Потом пойдем на север. Только закусить сразу надо,

а не то глотку обожжешь. Да и что ты ел в последние дни? Мекиш! Брось Сарлате лепешку с сыром.

Сарлата с трудом сел, повернулся к малла, протянул руку и, уже ловя брошенную лепешку, вдруг ухватил взгляд круглоголового карлика.

Тот смотрел на разбойника с ненавистью.

Когда Меченый объявил привал, Сарлата был почти в порядке. Силы возвращались в мощное тело так же, как полнится водой ведро, заброшенное на быстрину. Пожалуй, что через неделю Сарлата смог бы схватиться и с самим Меченым. А через две недели так и вовсе свернуть ему шею. Но стоило ли? Пусть все будет, как должно. Когда после короткой трапезы Мекиш занял место дозорного, а Меченый вместе с Тархом легли спать, Сарлата нащупал языком золотое кольцо, вставленное в щеку во рту, провернул его и раздавил один из черных камешков, оставшихся на ободке. Когда-то меру золота за это кольцо отдал старому шаману. Десять вставок сделал тот ему на кольцо да вручил полсотни амулетов, которые Сарлата раздал разбойникам. И вот, считай уже в третий раз, пришла пора воспользоваться древним лапаньским колдовством. На язык хлынула горечь, Сарлата закрыл глаза и почувствовал всех, на ком висели его амулеты. Тарх рядом, еще за три десятка разбойников рассеяны по стойбищам и пастбищам, таятся, как и положено. Этих он собрать не успеет, хотя позвать надо. Но и той дюжины, что, как и велено, продолжала охранять логово, хватит. Точно хватит. Вот они все вместе светятся под веками Сарлаты, как костры лапани. Точно на северо-западе, недалеко от перевала тати и башни старого упряма Тару, к которому, как понял Сарлата по случайной обмолвке, и собирается отправиться Меченый. Живы и здоровы, значит, будет тебе, Меченый, не слишком приятный сюрприз. Каменного ножа захотелось, ловкач? А не вскрыть ли тебе брюхо тем самым каменным ножом?

Сарлата открыл рот и неслышно дунул. Для спутников его неслышно, для всех, кроме Тарха, а уж для его полусотни неслышное дуновение должно было отозваться призывным свистом в ушах.

Сарлата прищурился. Тарх вскочил на ноги, с тревогой посмотрел на хозяина, потер уши, огляделся, кивнул и снова лег спать. Мекиш смотрел на врага с тревогой. Меченый спал спокойно.

Глава 3

Башня Тару

Говорили, что когда-то, еще до шатров и до городов, ныне надежно укрытых песками, лапани жили в предгорьях, на верблюдов смотрели с недоверием, занимались овцеводством, как какие-нибудь гиенцы, любили лошадей, как опять же гиенцы, и строили башни, но уж точно не как кусатара, славные умением обрабатывать камень. Башен тех почти не осталось, да и что это были за башни? Камень под них не тесался, а подбирался по размеру, так, если только в два-три удара молотка обламывался по краям. Потом с водой мешалась черная пыль из глубоких ущелий и лепилось простое сооружение высотой когда в двадцать, а когда и в тридцать локтей. Основанием его был квадрат, что укладывался на расчищенный и ровный участок скалы, а каждый следующий ряд камней устраивался чуть уже предыдущего. Через два ряда в кладку вставлялся чурбак длиной в два локтя, на них потом устраивалась лестница изнутри или четыре чурбака для перекрытий. Когда стены сходились до четырех локтей, ладилась кровля из сланца. Ничего особенного не было в тех башнях, которые почти поголовно превратились в груды камней. Но некоторые все же остались.

Далеко к северу от Асаны, у исхода глубокой долины, что врезалась в теснину вершин Северного Рога на добрую полусотню лиг, возле единственного, но уже давно забытого перевала к Гиблым землям доживал век старый охотник Тару. Места эти пользовались дурной славой. Перевалом уже лет двести безраздельно владели тати, хорошо хоть не пытались спуститься с него в Холодные пески, а окончным распадком, в котором долина делилась на два ущелья, – волки. Вдобавок ходили слухи, что в верхнем ущелье в развалинах старой кусатарской крепости обосновались разбойники, но так оно или нет, доподлинных сведений ни у кого не имелось. Не то что среди лапани не хватало любопытствующих смельчаков, но те из них, кто несчастливо совмещал смелость с глупостью и безрассудством, находили более простые способы излечиться от этих качеств. Излишне говорить, что старика Тару, который последний раз выбирался из распадка еще до последней Пагубы, его бывшие знакомцы числили мертвым, а те, кто был сведущ об его здравии, – сумасшедшим. Во всяком случае, никто не торопился его проведать, а уж если какой случайный путник и забредал в край черных скал, холодных ручьев и ледяных водопадов, то, миновав каменные ворота, созданные самой природой у входа в нижнее ущелье, открывал рот и застывал в изумлении. Даже на фоне взметнувшихся к желтому небу белоснежных вершин башня Тару не казалась убежищем самонадеянного карлика. В ней было не двадцать и не тридцать локтей, а как бы не все сорок. К тому же она хоть и не выглядела новой, но не имела в кладке ни щелей, ни выбоин. Ни один камень во всех ее четырех стенах не двигался с места, а узкие бойницы окон, которые начинались в десяти локтях над шумевшим у основания башни ручьем, поблескивали настоящими стеклами. Впрочем, удивление пропадало, когда редкие путники знакомились с хозяином сооружения – седым Тару. Достаточно было разглядеть его руки. Они напоминали корни столетнего горного клена. Такими руками можно было построить и пару подобных башен. Но Тару восстановил одну и гордился ею так, словно построил ее с самого основания, о чем, правда, ни одному из нечаянных или чаянных гостей не говорил. Вот только путников таких оказывалось в башне Тару не более полудюжины в год, да и из этого числа он привечал не всех.

Этой весной гости в нижнее ущелье зачастили. Сначала ранним утром у входа в ущелье показался старичок на сером ослике, который подъехал к башне Тару как к своей собственной, спрыгнул с осла, словно с коня, доковылял до жмурившегося под лучами утреннего солнца отшельника и только что не расцеловал его в обе морщинистые щеки. Обменявшись добрыми

приветствиями вроде «старый мерзавец» и «трухлявый лапаньский пенёк», и тот и другой спрятали улыбки в седых усах и бородах и под аромат грибного супчика принялись делиться новостями, которых вроде было и немного, ну так лучше немного, чем совсем ничего.

После полудня, к немалому удивлению обоих, на едва заметной тропе появилась путница. Она правила гиенской лошадкой уверенно, но не торопясь. На ней был серо-зеленый бурнус, в руках покачивался посох. На расстоянии ста шагов от башни путница остановила лошадь, ловко спрыгнула с нее, словно проделывала это половину жизни, поклонилась приподнявшимся со скамьи старикам и принялась разбивать неприятный бивак; расстелила одеяло, вытащила из мешка простенькую треногу для котелка и стала стругать широким ножом привезенную с собой сухую деревяшку. Все правильно сделала. Сто шагов – то, что надо. Не слишком далеко, чтобы не заподозрить чего недоброго, и не слишком близко, чтобы не навязываться и не беспокоить.

Не прошло и получаса, как бивак ее был раскинут, костерок согрел воду в котелке, а серый камень у ручья скрыл путницу от взглядов окаменевших от любопытства стариков, позволив ей омыть тело и сменить белье. Когда она вновь появилась у костерка, в десяти шагах от него ее ждал Тару. Он с интересом проследил взглядом за уверенной поступью незнакомки, хмыкнул, угадав под холстиной мешка самострел, кивнул, оценив нож на ее поясе, а пуще другого тонкий подбородок, безупречный овал лица и твердый взгляд удивительных синих глаз.

– С каких краев забрела в мою долинку, красавица? – наконец вспомнил старик, что все еще владеет членораздельной речью.

– Из дальних, – ответила путница, подсушивая холстинкой волосы.

– Понятно, – кивнул Тару. – Помыться приехала. Одобряю. Хорошая водичка в моем ручье. Я б тоже приезжал сюда помыться – хоть с Асаны, хоть с Гимы, а хоть и с Гиены. Но не приезжаю. Далековато. Да и чего ехать, если я и так здесь живу?

– Горазд ты языком шевелить, изголодался, наверное, в немоте да отшельничестве по чужому уху, – усмехнулась синеглазая гостья, наклонилась и бросила старику ярлык. – Знакомься, почтенный Тару. Меня зовут Арма. Я из Зены. Надеюсь, воды в твоём ручье не убавилось после моей помывки?

– Ничего, – ловко бросил ярлык обратно старик. – Мойся в любое время. А надо будет спинку потереть – только скажи.

– Непременно, – кивнула Арма. – Но уже не сегодня.

– Так ты надолго? – уточнил Тару. – Но не ко мне в гости? Хотя имя мое знаешь. Что, говорят еще о старике за Хапой?

– Ладно. – Арма отбросила в сторону тряпицу. – Чего ломаться, если на излом не берут? Человека буду ждать. Если не ошиблась, появится здесь завтра или послезавтра. Или вы тут кого еще ждете?

– Я-то живу здесь, – осторожно заметил Тару и сдвинул лохматые брови. – А что за человек-то? Я-то хоть знаю?

– Знаешь, – кивнула Арма. – Об имени не скажу ничего, много у него имен, мог и новое какое придумать, когда и кличками обходился, а вот взгляд у него вроде моего. Но только зеленый. Густо-зеленый. Конечно, если он взгляд свой тебе как есть показывает.

– А можно, выходит, и собственные глаза переиначить? – переспросил Тару.

– Многое можно, – откликнулась Арма.

– Зачем он тебе? – спросил старик. Спросил и уставился на гостью, да так, словно насквозь ее просмотреть хотел.

– Разговор у меня к нему, – улынулась Арма чему-то такому, что старик, сам того не ведая, выкатил на собственный взгляд. – Да ты не волнуйся, Тару. Я и не брошенная им, и не очарованная... вроде бы. Дела у него были... с моей матерью, есть кое-какие последыши от тех дел. Не тягостные, не сомневайся.

– Сама из Зены, а пояс на тебе хурнайский, – мотнул головой на серебряную пряжку в виде двух рук Тару.

– Подарок зеленоглазого, – ответила Арма.

– Он же не из Хурная? – прищурился Тару.

– И не из Туварсы, – заметила Арма. – А браслет у него на руке туварсинский. Видел или нет?

– Понятно, – задумался Тару, развернулся, шагнул было уже к башне, но обернулся и бросил через плечо: – Я незваных гостей с неожиданными не соединяю, но тут случай особый. Зеленоглазый не терпит, когда за него думать пробуют. Ты это помни на всякий случай. И собирайся. Волков пока в долине нет, и о разбойниках уже с полгода не слышали, но тати озоруют. По мелочи, но радости не доставит. Лошадь заводи в башню, сенник у меня там. Заодно и переночуешь.

– Дорого возьмешь за кров? – спросила Арма.

– Так сговорились уже вроде? – хитро прищурился старик. – При следующей помывке спинка за мной?

– Твоя спина всегда за тобой, – ответила Арма.

Вечером она лежала на сене, смотрела на светящиеся щели в полу верхнего яруса, на котором вели беседу два старика, слушала фыркание лошадей, шум воды за толстой стеной, обдумывала сделанное и то, что должна была сделать, и все ловила себя на странном волнении, которое накатило неведомо откуда, дрожью пронизывало тело, вгоняло в жар. Ворочалась, пока не уснула. Люк открылся, когда за стенами башни уже стояла тьма. Эша осторожно спустился на одну ступень, на другую, потом раздраженно махнул рукой и вернулся назад.

– Что там? – спросил Тару.

– Проснулась, – поморщился Эша. – Насторожь разбросила, да странную какую-то. Не углядел, поди ты! Никогда не было такого, чтобы я сорвал хоть нитку, не то чтобы вовсе проглядел, пока не уткнулся.

– Колдунья? – сдвинул брови Тару.

– А кто ее знает, – буркнул Эша. – Далековато мы от Запретной долины для легкого колдовства. Это надо или в Гиму, или в Парнс отправляться, чтобы колдуна или колдунью распробовать. Или не знаешь, что приглушено любое колдовство под небом Салпы? Тут разве только что-то простенькое возможно или что-то из древних времен... Конечно, если...

– Если? – переспросил Тару.

– Ты это, – свернул на живот суму, что висела у него на боку, Эша, – возьми вот этот тканый поясик да повяжи на лоб. Я-то и без него обойдусь, а тебе пригодится.

– Зачем это? – не понял Тару.

– Мнится мне, что девка может в чужой голове копаться, – пробормотал Эша. – Да не в догадки играть, а что надо выцеживать.

– Значит, колдунья все-таки? – вытаращил глаза Тару.

– Там увидим, – махнул рукой куда-то на юго-запад Эша. – Впрочем, в Запретной долине, которая всякому колдуну силу дает, как раз этот дар обычно ни к месту, не действует, хотя что я там был, с краешку побродил, и только. Даже не знаю. Но колдунью я б сразу раскусил. Так-то вроде обычная баба, возрастом уже немало за двадцать. Красивая просто. Судя по всему, хлебнула она в жизни достаточно всякого. Но что-то в ней есть особенное. Там увидим, говорю. Или ты думаешь, что она в жены к зеленоглазому пришла проситься? Нет, приятель, туда она собирается. Куда и мы с тобой.

– И много таких там будет? – спросил Тару. – И почему она здесь? Ей бы тогда южнее оказаться надо, лиг на четыреста. Я слышал, чуть не орда в Ледяном ущелье собирается? Сам-то давно там был?

– Лет десять назад, – ответил Эша. – Когда зеленоглазый первый раз в долину пробился. Но далеко мы не прошли...

– Чего это так? – удивился Тару.

– Вот шагнешь за границу, сам узнаешь, – пробурчал Эша. – А здесь я потому, что с полгода назад зеленоглазый сам сказал, что на середине второго месяца весны путь в долину от твоей башни начнет.

– Однако, – покачал головой Тару. – Что-то близко он околицу наметил, мог бы и еще на полтыщи лиг на север отмотать.

– У него свое разумение, – задумался Эша. – Молод, но умен зеленоглазый. Я бы на его месте по-любому в Ледяное ущелье не совался. Там ведь и в самом деле немало народу может скопиться. Уж не знаю, кто слух тот пустил, но всякий о том знает. По легким ушам далеко разнеслось, что уходит он в долину. А уж что сверху приплели – про добычу, про золото, сам знаешь. Говорят, не только людишки, но немало и тати просочилось в ущелье. Я, когда к тебе правил, чуть не орду палхов сумел тайком обойти. Откуда они взялись в Холодных песках?

– Тропок немерено, – пожал плечами Тару. – Особенно окольных – через Западные Ребра да через Восточные, если ближе к Дикому лесу забирать. Однако ближних да хожёных только две – через твою Гиму и здесь. Но этот перевал на замке. Им мейкки командуют, никого не пропускают, даже палхов. Хотя многое могло перемениться... Стали появляться ночами в этом краю незнакомцы, я уж остерегаюсь лошадь за стенами оставлять. Да и мейкки вроде спускаются иногда в ущелье. Следы видел. Но меня пока не трогали.

– Пока, – с тревогой пробурчал Эша. – Ладно. Дождемся зеленоглазого, там все узнаем. Может, он и в самом деле орду для похода в Запретную долину собирает? Только ведь до Анды дойдут немногие. Если вообще хоть кто-то дойдет. Да и есть ли она в самом деле эта Анда, зачарованный город этот, или нет ее? Может, выдумки все? Или была – и нету? Развалины одни? Груды щебня? Что это там?

Лошади вдруг встревоженно захрапели, и где-то за стенами башни послышался тяжелый топот, затем скрежет, словно кто-то провел по железной двери башни стальным когтем, плеск воды и снова топот.

– Мейкк какой-то повадился, – пробормотал Тару. – Я ж говорю. Вроде не озорует особо, но ночами бродит вокруг башни. Да чего удивляться, до перевала чуть за двадцать лиг, а там как раз их деревня. Я сам не был, но зеленоглазый сказывал.

– Так не ходят они ж по одному? – удивился Эша. – Твари, конечно, опасные, но уж больно пугливые.

– В Пагубу, однако, в орде тати мейкки замечены были, – вспомнил Тару.

– Так то магия, – пожал плечами Эша. – Да и в орде опять же... Шаманы постарались, да и слуги Пустоты содействовали.

– А сейчас, выходит, магии нет? – прищурился Тару.

– Есть, – кивнул Эша. – Вот девчонка эта что-то сумела выколдовать, я кое-что могу. Но тяжело, со скрипом, как через толстый войлок. Там вся магия. Там. В Запретной долине.

– И что ты думаешь, – стер с лица усмешку Тару. – Выйдет что у зеленоглазого?

– Должно выйти, – пробормотал Эша. – Если не у него, то у кого же? Да и бывал он уже в Запретной долине и после того раза. Не со мной. Только далеко пройти ему так и не удалось. Да он и не рвался особо. Присматривался в основном. Знакомства заводил. Но теперь последняя попытка. Он так считает.

– Почему? – не понял Тару.

– Двенадцать должны проснуться, – ответил Эша. – Я говорил с зеленоглазым, он не уверен, что это так уж важно, но хочет, чтобы они были на престолах, когда он доберется до Анды. Понятно, что они всегда там, но так, чтобы всей силой, – лучше теперь.

– И есть они там? – прищурился Тару. – Престолы, храм?

- Насчет города не скажу, а храм и престолы точно есть, – кивнул Эша.
- Доберется? – усомнился Тару.
- Теперь доберется, – твердо кивнул Эша. – Все лето впереди.
- Да за лето можно хоть до Туварсы добраться и вернуться, – хмыкнул Тару.
- До Анды дальше, – покачал головой Эша. – Много дальше.

Зеленоглазый появился в полдень следующего дня.

– Едут, – крикнул с башни Тару, когда Арма, которая то рассматривала следы ночного гостя, то готовила какое-то затейливое женское варево, наконец взялась за упряжь своей кобылки да за укладку дорожных мешков.

Сначала из-за скал появилась лошадь, которой правил крошка-малла, затем еще двое всадников, и уже последним показался и зеленоглазый, хотя цвет его глаз на таком расстоянии определить было невозможно. Но через десять минут Арма разглядела их почти вблизи. Зеленоглазый спрыгнул с лошади и, прежде чем подойти к Тару, бросил на нее короткий взгляд. Она словно кивнула сама себе, пытаясь понять, чего было больше в этом взгляде – удивления или равнодушия, и вдруг вновь удивилась сама, удивилась странному трепету, который охватил ее, даже заставил дрожать колени, и не сразу обратила внимание на его спутников. А они заслуживали внимания. Малла, который сполз с лошади последним, не разжимал рукояти меча, напоминающего скорее кинжал, и опасность, которая понуждала его к осторожности, таилась в двух других спутниках зеленоглазого – вертком лапани с щеткой коротко подстриженных, выгоревших до желтизны волос, и высоким, крепком незнакомце, от которого и впрямь веяло опасностью. Его волосы были седые, но он не производил впечатления старика. Скорее, наоборот, статью он дал бы фору не только малла и верткому, но и самому зеленоглазому. Вот только последнего это вроде бы несколько не беспокоило.

– Мекиш! – окликнул он малла. – Оставь Сарлату и Тарха в покое.

И снова дрожь пронизала все ее тело, но теперь от звука его голоса, и от этой дрожи внутри Армы сначала поднялась досада, а потом уже злость. Но зеленоглазый больше не бросил на нее даже взгляда. Или решил дать утихнуть, перекипеть и испариться злости, или не узнал ее. Он подошел к подбоченившимся старикам, поклонился каждому и завел с ними негромкую беседу.

– Мы надолго здесь? – грубо окликнул зеленоглазого седой.

– Через час отправляемся дальше, – обернулся тот. – Ты ведь сказал, что твое сокровище спрятано в соседнем ущелье? Или передумал?

– Нет, – буркнул седой. – Но я не думал, что мы будем разъезжать по гостям.

– У меня много друзей, Сарлата, – ответил зеленоглазый. – И я бы хотел познакомить тебя с некоторыми из них. Но не здесь.

Арма наконец справилась с волнением, перевела дыхание, хотя лицо у нее продолжало гореть. Пытаясь вовсе вернуть самообладание, она внимательнее пригляделась к седому и его спутнику, который как раз теперь прыгал вокруг лошади, как она поняла, своего хозяина, подтягивал седельные ремни, и отметила, что у обоих не было оружия. Впрочем, и у малла и у зеленоглазого оружия тоже было немного. У зеленоглазого, кроме мешка за спиной, в котором явно лежало что-то связанное с магией, имелся на поясе меч в простеньких ножнах. Да и туварсинский браслет по-прежнему посверкивал у него на запястье. Хотя браслет-то оружием не был. Зеленоглазый сам был оружием, спрятанным в ножны, но готовым вынырнуть из них в любой момент. Теперь он уже не напоминал Арме закаленного жизнью юношу, хотя и словно уменьшился ростом. Точнее, Арма выросла. Заметит ли он это? Заметит ли он ее вообще? Вот уже и Тару заковылял в свою башню, вот и Эша перестал что-то рассказывать зеленоглазому и стал сам его слушать, всплескивая руками и покачивая головой. Наконец, Тару вернулся из

башни и принес не только стопку жестяных мисок, но и ружье в чехле, и какой-то мешок. И вот зеленоглазый закинул ружье за спину и пошел к ней.

Остановился в пяти шагах. Окинул взглядом. Улыбнулся. Кивнул хурнайскому поясу на ее бедрах. Сверкнул зеленым взглядом со странно расширенными зрачками.

– Выросла. Как нашла меня?

– Услышала, что ты собираешься в последний месяц весны начать поход в Запретную долину. До этого искала тебя долго, но легче найти листок, унесенный ветром.

– Все, кто хотел меня найти, встречаются в Ледяном ущелье через пару недель, – заметил зеленоглазый. – А ты здесь...

– Твой маленький приятель, дожидаясь тебя в шатре в Асане, всю голову себе сломал, пытаюсь понять, зачем ты назначил начало похода у башни Тару, а не в Ледяном ущелье, – ответила Арма. – Понятно, что разобраться с разбойником надо, но прочих зачем тащить так далеко на север?

– Значит, все еще способна копаться в чужих мыслях? – прищурился зеленоглазый.

– Вижу, что в твоих по-прежнему нет, – покачала головой Арма. – Да и старики перемотали головы лентами, не пробьешься. Хотя если посмотреть в глаза... Впрочем, ночью они бормотали, что в Запретной долине это мое умение будет бесполезно.

– Мы еще не в Запретной долине, – задумался зеленоглазый, словно уже принял решение брать Арму с собой. – А можешь покопаться в голове у седого?

– Нет, – ответила Арма. – Он довольно силен. К тому же какая-то магия таится у него во рту. Перебивает его мысли, словно шум перебивает шепот.

– Ты убила соглядатая в Асане? – спросил зеленоглазый.

– Двоих, – ответила Арма, распустила завязку на кисете, выудила и бросила зеленоглазому два ярлыка. – На стене был стражник из лапани. В одном из шатров хиланец. Оба должны были убить тебя. Не твоего спутника, а именно тебя. У них отметки на ярлыках. Посмотри. Обратная сторона каждого зачернена. Но под чернотой выжжен знак Храма Пустоты. Не видела такого раньше. Еще один следил за мной, думая о тебе, но убийства вроде бы не замыслил. Не смогла пробиться наверняка. Так или иначе кому-то ты сильно досадил.

– Очень многим, – кивнул зеленоглазый. – И Пустоте в первую очередь, кем бы она ни прикрывалась. Хотя с самой Пустотой вроде бы... Кто их послал?

– Не успела расспросить, – пожалала она плечами. – Почему здесь?

– Что – здесь? – не понял зеленоглазый внезапного вопроса.

– Почему ты собираешь отряд здесь? – спросила Арма. – Ледяное ущелье на четыре сотни лиг южнее.

– Дело есть одно, – с некоторым сомнением пробормотал зеленоглазый и уже шагнул, чтобы вернуться к лошадям.

– Как тебя звать? – окликнула она его внезапно дрогнувшим голосом.

– Я имени не менял, – остановился он.

– Как обращаться к тебе, если придется? – скривила она губы.

– Зови Каем, – ответил он. – Кай. Коротко и просто. Почему хочешь идти со мной?

– Нужно кое-что передать. – Она сглотнула. – Передать тебе там, в Анде. Мать просила. В тот день, когда ты стоял у нашего дома, но еще не постучал в дверь. Даже приказала. Сказала, что это очень важно. Что без этого ничего не выйдет.

– Что не выйдет? – Он нахмурился.

– Ничего, – твердо сказала она. – Но только там. Там нужно будет сказать. Ты берешь меня с собой?

– Не знаю. – Он помолчал. – Но здесь тоже не оставлю. Будь готова. Через час отправляемся дальше. Готова выполнять все, что я прикажу?

Он не стал дожидаться ее ответа. А она и не нашлась бы, что ему ответить. Вся ее стальная твердость, что накопилась, выковалась, закалилась за годы скитания под небом Салпы, куда-то делась. Больше всего ей хотелось обнять прежнего Кая, прижаться к нему и дать волю слезам, но этого человека она обнять не могла. Может быть, в нем и сохранился тот самый Кай, которого она видела несколько часов пятнадцать лет назад, но теперь он был покрыт коростой. Или броней. Или она перестала быть маленькой девочкой, объятия которой не удивили бы никого. И от этого ей вдруг захотелось расцарапать ему лицо в кровь.

Привал крошечного отряда был недолгим. Уже суетился Эша, навьючивая мешок на осла, седлал лошадь Тару. Сарлата и Тарх под присмотром Мекиша опустошали миски с супом.

– Ты готовила? – строго спросил малла Арму.

– Я, – отчего-то зло бросила она в ответ.

– Научишь, – строго заметил малла и погладил ладонью рукоять меча. – Я тоже тебя чему-нибудь научу, не пожалеешь.

– Мастер меча? – поинтересовалась она, скашивая взгляд на бугрящиеся мышцами плечи Сарлаты.

– Среди малла так первый, – гордо ответил Мекиш. – Ты с нами?

– Да, – твердо сказала Арма и тут же вопросительно посмотрела на Кая. Тот молча ел.

– Хорошая компания собирается, – протянул, вытирая губы, Сарлата. – Два старика, недоросль и шлюха. Далеко собрался-то, Меченый? Все молчишь и молчишь...

Кай отложил миску, взглянул на Арму, которая замерла с застывшей улыбкой.

– Так ты согласна выполнять мои приказы?

– Да, – кивнула она. – Но не в качестве шлюхи. Или нужно заменить этого седого и безоружного? Опостылел?

– Нет, – улыбнулся Кай, словно и не тянул старательно губы к ушам захлебнувшийся злобой Сарлата. – Он не со мной. Надеюсь сегодня с ним расстаться. Так что ты его не слушай. Если поганый язык – продолжение поганого человека, отрезать его бессмысленно. И убивать его пока нельзя. Даже если хочется. Я дал ему слово.

– Я тоже хочу расстаться с тобой, Меченый, – процедил Сарлата. – Может быть, и убить. Но не волнуйся, в том, что искомое тобой здесь, ты не ошибся. Думаю, ты увидишь его. Интересно только, как пройдет расставание...

– И ты не волнуйся, – ответил Кай. – Я своего слова не нарушу.

Мекиш прошипел какие-то маллские ругательства и зло выдернул и снова вдвинул короткий меч в ножны.

– Да... – протянула Арма. – Как вы терпели друг друга последние дни?

– Терпеть – не самая сложная работа, – пожал плечами Кай.

– Так он не с нами? – довольно крикнул, подбирая миски, Тару. – А то я уж засомневался... Слушай, приятель, где я уже слышал твой голос? И спутника твоего где-то видел. Не могу вспомнить! Сарлата, говоришь...

– Не ломай голову, Тару, – подал голос Кай. – Это главарь той банды, что обитала с год назад у тебя по соседству. Просто раньше он всегда прятал свои седины под платком. Ты же сам рассказывал, что они пару раз пытались тебя выкурить из твоей башни?

– Вот ведь... – прохрипел старик и потянулся за мечом, который успел повесить на пояс.

– Нет, – твердо сказал Кай. – Отведем Сарлату к его логову, получим с него плату за освобождение, а потом...

– А потом? – с ухмылкой переспросил Сарлата.

– А потом отпустим, – твердо сказал Кай. – Все готовы? А теперь по коням. Запирай башню, Тару.

– По ослам, – пробормотал Эша.

– Куда вы собрались? – недоуменно воскликнул Сарлата, глядя, как Кай отводит лошадь за башню. – Вход в верхнее ущелье только с долины. Уже лет десять, как камнепадом засыпало выход к перевалу.

– Засиделся ты, Сарлата, в подземельях Асаны, – откликнулся Кай. – Проход есть.

– Есть? – удивился Сарлата и тут же ехидно скривил губы. – Тем лучше. Засветло обернемся.

Не прошло и нескольких минут, как почти вдвое увеличившийся отряд двинулся в глубь ущелья. Малла по-прежнему держался впереди, не снимая руку с меча, за ним следовали Сарлата и Тарх, затем понукали животных остальные. Узкая тропа вынудила путников вытянуть караван. Покрытые зеленой порослью каменные осыпи поднимались к окрестным скалам, в двух шагах между камнями журчал ручей. Высоченные снежные пики, перегородившие половину неба, прятали за собой солнце и казались серыми на желтоватом фоне. Тару то и дело крутил головой, оборачивался на свою башню, пока она не скрылась за скалами.

– Что, приятель, – окликнул его Эша, – думаешь, что не вернешься уже назад?

– Кто его знает? – проскрипел Тару. – Может, вернусь. А может, и нет.

– Вряд ли, – усомнился Эша. – Я когда из Гимы выезжал, точно знал, что не вернусь. И теперь так же думаю.

– Зачем же ты тогда отправился в путь? – удивился Тару.

– Затем же, зачем и ты, – хмыкнул Эша. – Чтобы перед смертью не досадовать на самого себя.

– Надейся на внезапную смерть, тогда и досадовать не придется! – расхохотался, обернувшись, Сарлата.

На этом разговор оборвался, только Тарх, который так и не проронил ни слова, принялся вполголоса хихикать, прижимаясь к лошадиной шее.

Тропа постепенно поднималась вверх и через час достигла развилки. Одна ее часть узкой, заросшей сухими прошлогодними колючками тропкой уходила круто вверх к заброшенному перевалу, другая, минуя гору свежевывороченных валунов, протискивалась между скалами в темное узкое ущелье.

– Однако, – удивился Сарлата. – Кто-то на самом деле не так давно потрудился у этого прохода. Похоже, тут ворочало камни целое стойбище кусатара. Или два стойбища ламы?

– Плохое соседство – плохая дорога, – покачал головой Тару. – И место плохое. Смотри, зеленоглазый, видишь? Шерсть на камне видишь? Мейкк заходил в ущелье, недавно заходил. Свежая шерсть.

– И что же? – придержал коня Кай.

– У мейкков нет шерсти, – не согласился малла.

– Жилеты они носят из овчины, – объяснил Тару. – Четыре овцы уходит на один жилет.

– С мейкком я слажу, если что, – заметил Кай и обернулся к Сарлате: – Я обещал тебе дорогу? Вот она. Что остановился? Теперь ты иди с дружкой первым. Пара лиг осталась до твоего... логова.

– Знаешь эти места? – скривился седой.

– Я все в Салпе знаю, – ответил Кай. – Или почти все. Кроме Запретной долины, если поглубже заглянуть, и нашего с тобой дела.

– Вот как выходит, – ухмыльнулся Сарлата. – Одно с другим прикинуть несложно. Что ж ты ушел от ответа тогда? А ведь ты и есть тот самый охотник.

– Я всего лишь сказал правду, – ответил Кай. – Во время Пагубы я еще был ребенком.

– Ребенком? – поднял одну бровь Сарлата. – Что ж, ребенком так ребенком. Но пошумел ты когда-то, пошумел. Хотел бы я сразиться с тобой, дай только войти в силу. Говоришь, все

в Салпе знаешь? Ну что же, скоро будешь знать и вправду все. Крути головой, да надейся, что шея не переломится. Тарх! Не медли, давай за мной.

За скалами верхнее ущелье отвесными стенами разбегалось в стороны на четверть лиги. В отличие от ущелья, в котором стояла башня Тару, тут не было ни травы, ни деревьев, только колючие кусты цеплялись корнями за голый камень, да в русле сухого ручья кости трещали под копытами лошадей. Среди них попадались и человеческие.

– Волки, – объяснил Тару. – Сейчас их тут нет, но зимой и летом здесь их логово. Наступит жара, тут тоже появится ручей. Вода с ледников пойдет. Всякая живность приходит сюда на водопой, тут волки и пируют.

– Обычно на водопое зверь друг друга не бьет, – заметил Эша.

– Тут особенный зверь, – покачал головой Тару.

– Всякий зверь станет особенным, если о нем позаботиться, – рассмеялся Сарлата, который с каждой минутой словно раздавался в плечах. – Достаточно раз в неделю подстреливать у водопоя горного козла, и от запаха крови любой зверь забудет о приличиях.

– Волк волка кормит, – зло проскрипел Тару. – Это твое логово, седой?

То, что от начала ущелья виделось каменной осыпью, оказалось развалинами крепости. Сложенная в незапамятные времена умельцами кусатара, она полностью скрывалась в монолите скалы, снаружи оставались лишь две граненые башни и кусок стены между ними. Теперь же от одной башни почти ничего не осталось, вторая осыпалась до половины. Стена, однако, сохранилась, даже стрельчатая арка высилась над проходом, из которого пробивалась струйка дыма. Каменная тропа поднималась вдоль скал со дна ущелья к заваленной обломками площадке у входа в крепость и такой же полосой спускалась с противоположной стороны.

– А ну-ка! – заметил Тару. – А ведь кто-то приглядывает за твоим домом, Сарлата!

– Это точно, – заметил разбойник, правя коня на тропу. – Дом без пригляда оставлять нельзя. Тарх, проверь!

Подручный Сарлаты кивнул, пригнулся и поторопил коня в обгон хозяина, послал его наверх, к развалинам. Кай поднял руку, останавливая спутников.

– Уйдет же! – прошипел малла, выдергивая из ножен короткий меч.

– Пусть уходит, – негромко бросил Кай. – Нужно, чтобы ушел.

– А нож? – занял малла.

– Ты видишь дым? – спросил Кай. – Нож уже у нас, на что я не надеялся, впрочем. Но он у нас. Дым – это знак. Иначе я бы сейчас поднимался следом за разбойником. Но мне нужно, чтобы он ушел.

– Все равно, – скрипнул зубами малла, – Сарлата должен умереть! Даже если вылить из него всю кровь и на каждого убитого малла выделить по капле, всем не хватит!

– Всему свое время, – твердо сказал Кай.

Тарх спешил к входу в крепость, Сарлата тоже почти добрался до площадки. Обернувшись от самой крепости, он радостно прокричал:

– А тебе не откажешь в осторожности, Меченый! Или ты что-то знаешь о магии шаманов лапани? Мои воины ждут меня в крепости. Благодаря древнему колдовству я чувствую дыхание каждого! И все они словно дышат в одну глотку! Их здесь больше дюжины! И вот что я тебе скажу, доблестный Кай, ты еще можешь спастись! Если, конечно, повернешь лошадей да заново завалишь проход из ущелья. Тогда башня Тару примет тебя. Но старику Эше не поздоровится. Его осел не лучшая животина для гонок.

– Их нет! – крикнул ему в ответ Кай.

– Кого нет? – не понял Сарлата.

– Нет твоих воинов. Твоих полутора десятков воинов нет. Я убил их всех!

– Убил? – растянул губы в холодной улыбке Сарлата. – Ты бредишь, Меченый!

– Спроси его, – протянул руку Кай.

Из темного прохода вылетел Тарх, вскочил в седло и с воплем погнал лошадь прочь от крепости. Через мгновение, разразившись проклятиями, Сарлата последовал за ним. Тьма в проходе шевельнулась, и сначала под стрельчатой притолокой показалась низкопосаженная, огромная голова, а потом на площадку перед крепостью выбрался и молодой, но тем не менее превышающий ростом обычного человека раза в полтора мейкк. Он неторопливо огляделся, увидел замерших спутников и тут же довольно заухал, заковылял на коротких ногах навстречу отряду, замахал ручищей, на запястье которой мотались снятые с разбойников ожерелья.

– Кай! Кай! Я нашел! Нашел! Нашел я!

– В одну глотку, – пробормотала Арма. – Вместо пятнадцати разбойников и их пятнадцати глоток – глотка одного здоровенного мейкка. И пятнадцать зачарованных ожерелий у него на запястье. Зеленоглазый! Малла, мейкк, два старика и женщина, которая некоторым кажется похожей на шлюху. Не слишком ли веселый караван для похода до Ледяного ущелья?

– Мы не будем до него добираться, – ответил Кай. – В Запретную долину есть и другой путь. Но для этого нам придется перейти через перевал.

– Но это невозможно! – воскликнул Эша. – Мейкки никого не пропускают!

– У меня есть ключ, – отрезал Кай и повернулся к малла, который шипел и кусал губы. – Успокойся, Мекиш. Так надо. У Сарлаты осталось еще больше трех десятков разбойников. Мы еще столкнемся с ними в Запретной долине. Чем больше искателей приключений соберется в Ледяном ущелье и двинется в сторону Анды, тем вероятнее, что и мы достигнем цели.

– Но с тобой пойдем только мы? – спросил Тару.

– Не только, – задумался Кай.

– Эй! – послышался со стороны выхода к перевалу слабый голос.

Отряд обернулся. Одиноким всадник торопил измученную лошадь. Когда он приблизился, Арма разглядела соглядата из Гимы. Шалигай был растрепан и истерзан долгим путем. Его щеки ввалились, губы потрескались.

– Я шел по ее следам, – ткнул рукою остроносый в Арму. – Но она не виновата. Я далеко шел. В паре лиг, не ближе. Таился. Чуть не упустил ее в Асане. Я из Хилана, Кир Харти. Или Кай. Как там тебя теперь зовут? Меня зовут Шалигай. Я послан самым молодым ишей! Его матушка Тупи передала ему твое письмо, и он повелел мне отправиться в Запретную долину вместе с тобой.

– Зачем? – спросил Кай.

– Он хочет, чтобы я все запоминал и потом рассказал ему о твоих подвигах. К тому же он молод, но умен. Он сказал, что кое-кто в Текане хочет твоей смерти и за тобой посланы убийцы. Я должен защитить тебя.

– Почему я не должен думать, что убийца это ты? – спросил Кай.

– Потому что я не убийца, – пожал плечами Шалигай, с ужасом покосившись на приближавшегося мейкка. – Точнее, не убийца для тебя. Еще он сказал, что я должен буду прочитать тебе его послание, когда мы доберемся до Храма Двенадцати Престолов в Анде.

– Давай прочтем его сейчас? – предложил Кай.

– Оно зашито под кожу, – побледнел Шалигай и потянул к локтю рукав на левой руке. – Иша не велел вскрывать письмо раньше времени. Всякое слово дорого к нужному часу.

– Что скажешь? – повернулся к Арме Кай.

– У него сильные обереги, – заметила она.

– Сейчас, – заторопился Шалигай, рванул ворот, потянул через голову пучок ожерелий с камнями, деревяшками и раковинами. – Иша поручил мне охранять, сберегать тебя, Кай, запоминать все и зачитать его послание в нужный час.

– Он не лжет, – согласилась Арма.

– Ну что же, – задумался Кай и вновь повернулся к спутнице: – Твое послание тоже зашито под кожу?

– Нет. – Она стиснула зубы. – Послание от моей матушки я выучила наизусть.

– Ладно, – кивнул Кай и посмотрел на Тару. – Я говорил не об этом спутнике. Наш отряд еще... увеличится.

Затем Кай повернулся к мейкку:

– Я рад тебя видеть, Шувай. Давай нож. И рассказывай, друг, где же ты его отыскал? Мы же вроде перевернули тогда все это логово?

Глава 4

Перевал мейкков

Он был и впрямь необычным, этот нож, напоминавший скорее маленький каменный серп. Кай снял его с огромной ладони мейкка осторожно, словно вытаскивал из-под камня ядовитую змею, но никто не спросил зеленоглазого, что это за нож и почему его поиски привели отряд так далеко на север. Наверное, каждого из тех, кто стоял рядом с ним, Кай расспрашивал об этом ноже. Его рукоять и лезвие были выточены из одного куска камня, да таким образом, что белое вкрапление в нем напоминало язык пламени, бегущий к острию. Гарда между лезвием и рукоятью не сохранилась. От нее осталась только желтоватая полоска окаменевшей кости, и только по ней можно было предположить, что ножу многие сотни, если не тысячи лет. На самом камне не было ни единой выбоины.

Пока Шувай, с трудом выговаривая хиланские слова, рассказывал о том, как разобрал изнутри чуть ли не все помещения крепости, пока не отыскал диковинку на выступе над самой аркой выхода, а потом несколько ночей ходил к башне Тару, так ему не терпелось поделиться радостью, нож подержали в руках почти все. Разве только Эша побледнел до цвета вершин Северного Рога и отдернул руку, да Шалигай, который крутил головой чуть в стороне, не решился подойти ближе. Арме показалось, что странный камень тяжелее свинца и холоден словно лед. Она держала нож в руках последней, и когда их спутники разошлись, чтобы подготовиться к походу, показала Каю едва различимые матовые потеки на черном. Именно эти места на камне были особенно холодны.

– Кровь, – объяснил Кай Арме среди невольной суеты, возникшей из-за того, что малла, забравшись на осла, обряжал погрузневшего Шува в странные доспехи, изготовленные из дубовой коры. – Кровь, которой, наверное, столько же лет, сколько и этому ножу. Но не спрашивай пока меня, чья эта кровь и почему ее след не растворился за тысячи лет. Не время. Хотя я и знаю чья...

Он помолчал, потом выудил из мешка за спиной выделанный из телячьей кожи и покрытый причудливой вязью кисет, убрал в него нож и повесил его на шею.

– Да, – ответил он на незаданный вопрос Арме. – На кисете те же самые узоры, что и у тебя на руках, ногах, на поясе, на горле. Мне нужно, чтобы никто не мог почувствовать его. А ведь я помню, как ты еще сопливой девчонкой прикусывала губу, когда тебе накалывали этот же орнамент. Я все помню... Больно было?

– Тебе больно, – прошептала Арма.

– Мне? – не понял он и тут же стиснул зубы, прищурил глаза.

– Я вижу, – продолжила она. – У тебя зрачки такие, словно ночь вокруг. Тебя мучит боль?

Он долго смотрел на нее. Так долго, что ей начало казаться, что земля уходит из-под ног.

– Не мучит, – наконец процедил Кай сквозь зубы. – Пока помнил, каково жить без боли, – мучила. А теперь уже не мучит. Меченым меня зовут, слышала?

– Слышала, – кивнула Арма. – У тебя серый лоскут на спине. Говорят, что это отметина Пустоты. Она и болит?

Он прикрыл глаза, словно собрался с дыханием, и заговорил вновь об орнаменте:

– Именно из-за этих узоров... на твоей коже Эша не чувствует в тебе колдунью.

– Я не колдунья, – качнула головой Арма.

– Ты больше чем колдунья, – ответил Кай. – Ты дочь богини, пусть даже она сама считала себя пеплом былого величия. Пусть даже она и была пеплом. Если семя, выношенное ею, возшло, оно возьмет силу дерева, пусть даже само дерево сожжено и развеяно. Но ты не только рождена богиней, ты и воспитана ею. Это дорогого стоит.

– Я всего лишь человек, – не согласилась Арма.

– Я тоже, – кивнул Кай.

– Ты из-за этого ножа откладывал поход в Анду? – спросила Арма.

– А ты хочешь, чтобы я ответил, что ждал тебя? – поинтересовался он.

– Нет, – твердо сказала она.

– Я был в доме у твоих приемных родителей, – сказал он. – Не застал их. Узнал, что они умерли, но умерли уже после твоего ухода. Ведь ты ушла, когда тебе едва исполнилось пятнадцать лет? Почему?

– Мама сказала, что я должна уйти, – ответила Арма. – Она разговаривала со мной все мое детство и все мое детство учила меня всему, что я могла понять. А может быть, даже большему. Она сказала, куда я должна пойти, когда стану старше, и я туда пошла. Я находила названных ею людей, конечно, только тех, кого заставляла в живых, и училась у них всему. Грамоте, целительству, бою, рукоделию, языкам, заклинаниям, охоте, обману, хитрости, убийству – всему, что могло пригодиться не самой хорошей девочке. Когда я не находила назначенных учителей, я находила других. И училась всему.

– Зачем? – спросил он.

– Чтобы дойти с тобой до Анды, – ответила она. – Это главное – дойти с тобой до Анды. У одного у тебя ничего не получится. Или получится не так.

– Ну, не скажу, что я огорчен тем, что ты идешь со мной, – он задумался на мгновение, – но радоваться тоже пока обожду. Помни, что ты пообещала слушаться моих приказов.

– Я помню, – сказала она.

– Знай, что каждый из тех, кто идет со мной, должен быть готов к смерти, – добавил он.

– И ты? – спросила она.

– И я, – кивнул он. – Но с одной поправкой. Я не должен умереть. Я должен дойти до Анды. Чтобы все получилось.

Он произнес эти слова с такой убежденностью, что Арма в секунду уверилась, что если успех его путешествия будет зависеть от ее смерти, она тут же захлебнется кровью.

– И что же дальше? – Она расправила плечи. – Ты хочешь знать, готова ли к смерти я?

– Я хочу знать, откроешь ли ты мне то, что передала тебе твоя мать, если окажешься на пороге смерти далеко от Анды? – спросил он.

– Нет. – Она побледнела. – Но не потому, что рассчитываю, будто ты будешь оберегать меня. Во всяком случае, насколько я знаю, двоих спутниц ты не уберег?

На этих ее словах он тоже залился бледностью и, наверное, стал холоднее каменного ножа.

– Не потому, – твердо продолжила она. – Если я произнесу послание раньше, оно не подействует. Поэтому тебе все-таки придется меня оберегать.

Бледность медленно сходила с его лица. Наконец он совладал с собою и глухо произнес:

– В таком случае не делай мою задачу слишком сложной.

После того как отряд покинул верхнее ущелье, дорога начала забирать круто вверх, словно спешила подняться на одну из нависающих над ней холодных вершин. Поначалу она ничем не отличалась от обычной горной тропы, разве только не знающие ног путников зеленые мхи покрывали ее, да горные склоны вокруг выглядели так, словно ни один взгляд не останавливался на них сотни лет, затем стала чуть шире, обнаруживая кое-где среди обломков камней куски каменных плит. Но древний путь дремал под грузом тысячелетий, не желая ни единым словом рассказать о себе. Над гребнями скал чуть слышно посвистывал неожиданно холодный ветер, заставляя путников поднимать воротники. В желтом небе парили силуэты стервятников. Если не каждый шаг, то каждая сотня шагов возвращала путников к зиме. Сначала изо рта

стал вырываться парок. Потом к самой тропе вытянулись языки снега. А за ними и захрустел под копытами лед. День близился к завершению.

Лошади, еще не натруженные долгой дорогой, бодро фыркали. Осел Эша тоже нес старика без особых усилий, хотя мотал головой, словно возмущался крутизной подъема, но ставил копыта сначала на мох, а потом и на снег почти неслышно. Если бы не мейкк, который утробно пыхтел и гремел странными деревянными доспехами, отряд вовсе двигался бы бесшумно. На второй час пути, когда тропа перестала подниматься, Кай, который двигался первым, оглянулся, наткнулся на взгляд Армы, нахмурился, но тут же отыскал глазами Мекиша, который получил в надзор нового подопечного – Шалигая, и крикнул малла:

– Мелкий! Успеваем вроде до темноты. В деревне обгоните с хиланцем Шувая и следите, чтобы между вами и ним было не меньше двух десятков шагов, понял?

– Понял, – буркнул в ответ малла и под напряженный смех спутников добавил: – Но я не мелкий. Для малла так я даже верзила.

– Можешь тогда называть меня мелким, верзила, – разрешил Кай. – Для мейкков любой из нас мелкий.

– А ты, Мекиш, так вовсе крошка, – гыкнул из-под деревянного шлема Шувай.

– Я еще подрасту, – под новый взрыв смеха пообещал Мекиш.

– А что, приятель, – обернулся к следовавшему за ним Тару Эша, – кто-то еще пользуется этим перевалом, кроме мейкков? Ведь их деревня стоит у заставы?

– Ты, похоже, знаешь об этом перевале больше меня, – заметил Тару. – Я всего лишь слышал, что удобнее пути из Холодных песков в Гиблые земли нет, по сути, перевал этот – ущелье поперек всего Северного Рога. Трещина. След ножа на бараньей печенке. Это все, что я знаю. Ну и то, что перевал под тати уже две или три Пагубы. А кто им владеет – мейкки, палхи, кусатара или ламы, – мне неизвестно. До сего дня меня они не беспокоили, и то ладно. Во всяком случае, до моей башни мейкки не доходили, если не считать, как выяснилось, набегов нашего любопытного спутника. А я сам сюда не совался, делать мне больше нечего.

– Как раз теперь нечего, как видно, – хмыкнул Эша и подмигнул из-под косматых седых бровей оглянувшейся Арме. – Тут все просто. Палхи в горах не живут, их деревни в лесах и на равнине. Они и штольни там устраивают. А ламы и кусатара все южнее. Их здесь и вовсе нет. Вот и остаются мейкки. Я знаю, что не все их считают разумными...

– Ты громче говори, – пробубнил пыхтящий позади Шувай. – Что ты там про мейкков?

– Говорю, что живут они, как и прочие тати, в домах, точнее, в больших шатрах, и носят одежду, – повысил голос Эша.

– Не все, – не согласился Шувай. – Кто-то и носит, но если волос на теле густой, то летом можно и не носить. Да и шатер зачем нужен? В снегу лучше. Лег, нагреб на себя и спи. Снег в горах чистый. Его можно есть, пить, на нем можно спать, сидеть, даже подтираться им можно. Главное, не в одном месте это всё делать.

– Ты его не слушай, Эша, – обернулся Кай. – Поверь мне, Шувай только прикидывается дурачком, и если он не все слова хорошо выговаривает, это не значит, что он не сможет над тобой посмеяться.

– Да я и не слушаю, – буркнул Эша под довольное уханье великана. – Долго еще до заставы-то?

– Да уж почти пришли, – ответил Кай. – Видишь белую скалу впереди?

«Почти пришли» обернулись еще почти часом пути. Станным образом тропа вдруг выбралась на каменистый гребень, по обе стороны которого если и не зияли ущелья, то уж, во всяком случае, щетинились из-под льда острыми камнями крутые склоны. За ними по-прежнему вздымались к небу громады снежных пиков. Гребень тянулся с лигу, потом пошел вниз, и тропа пошла вниз к той самой белой скале, которая на фоне гигантов Северного Рога

могла бы прозываться песчинкой, но чем ближе подбирался к ней отряд, тем менее справедливым казалось это сравнение. Вместе с бурой соседкой скала вновь загоняла тропу в теснину, не сойдясь с подругой на какую-то пару десятков шагов. Проход было перегорожен мощным частоколом, собранным из толстых стволов зрелых сосен, судя по которым никто из мейкков не спускался на восточную сторону Северного Рога десятилетиями. Солнце уже клонилось к горизонту и било путникам в глаза, так что брошенный над частоколом ствол столетнего дуба словно служил ему наместом. Тропа вильнула чуть правее, скала прикрыла вечернее светило, и Арма разглядела, что торчащая из-за ограждения уродливая голова не насажена на один из колов, а приделана к туловищу мейкка, который с немалым изумлением разглядывал неожиданных гостей.

– Шувай, – обернулся к собственному великану Кай. – А ну-ка, скажи этому красавцу, что я требую старосту деревни. Пусть передадут ему, что зеленоглазый охотник принес обещанное и просит оказать ответную услугу.

Шувай выкрикнул что-то нечленораздельное, его адресат еще мгновение хлопал глазами, потом разразился какими-то столь же непонятными проклятиями и исчез. Шувай же чихнул, отошел в сторону и сел на камень, повернувшись спиной к спутникам. Плечи его изредка подрагивали, отчего деревянные доспехи ударялись друг о друга.

– Что с ним? – спросила Арма.

– Плачет, – пожал плечами Кай. – Его выгнали из похожей деревни, только на пару сотен лиг севернее. Родители погибли под лавиной, остался ребенок, но зимой голодно, особенно на севере, своих бы прокормить. На крайнем севере мейкки живут в пещерах, он бродил между ними, стучался то в одни ворота, то в другие, ему никто не открыл. А теперь, когда он почти вырос, он считается порченным, потому что вырос с людьми. Теперь он изгой. Впрочем, сама увидишь.

– Но как же он выжил тогда, зимой? – спросила Арма.

– Я его встретил, – ответил Кай. И добавил в ответ на ее недоуменный взгляд: – Он еще молод. Ему всего пятнадцать лет.

Вскоре над частоколом появились сразу десятка два огромных голов, да еще какая-то возня и визг слышались из-за ограды. Кай обратился к седому старику:

– Здравствуй, отец.

– Здорово, сынок, – шевельнулись огромные, изрезанные морщинами губы.

– Помнишь меня? – продолжал Кай.

– Помню, – кивнул староста, зацепив каменным подбородком частокол, отчего вся ограда загудела, как деревянный бубен. – Только ты, малой, с другой стороны являлся. С мугайской. Два года назад. Так было?

– Так, – согласился Кай. – Откуда бы ни являлся. О переходе речь шла, а в какую сторону переходить, разговора не было. Так вот, прошу пропустить мой отряд.

– Нет, – тяжело опустил веки старик. – Нет хода людям через мейккское ущелье. Тысячу лет назад захватили его люди, ограбили мейкков, убили всех и стали править здесь. Но потом пришла одна из Пагуб, и мейкки вернулись обратно. И теперь нет хода людям через ущелье. Всякий, кто перейдет, найдет свою смерть. Уходи.

– Что ты сказал, отец? – спросил Кай. – Что ты сказал, отец, два года назад?

– То, что и теперь говорю, – ответил старик. – Скорее каменный бог мейкков вернется на свое место, чем люди пройдут через мое ущелье. Но всякий, кто перейдет, найдет свою смерть.

– Дело за малым? – переспросил Кай. – Вернуть каменного бога?

– Верни, тогда поговорим, – буркнул старик и уже собрался уходить.

– Я готов вернуть, – проговорил Кай. – Я добыл для мейкков их каменного бога.

– Покажи, – в мгновение растерялся, напрягся, сдвинул косматые брови староста.

– Смотри, – пожал плечами Кай, сбросил с плеч мешок, распустил шнуровку и выудил оттуда каменного истукана размером в локоть. – Он?

– Почему мне знать? – протянул, прищурившись, старый великан. – Дай его сюда, я проверю. Там и поговорим.

– Не могу пробиться, – прошептала, наморщив лоб, Арма. – Не могу пробиться к его мыслям.словно огромные жернова медленно движутся в его голове. Не могу.

– Шувай! – крикнул Кай, да так, что разом вздрогнули и снова обернулись к путникам все головы за оградой. – Иди сюда, друг.

Застучали деревянные доспехи, великан поднялся и, не глядя на частокол, подошел к зеленоглазому.

– Сейчас проверим. – Кай протянул истукана мейкку. – Ты знаешь, что надо делать.

Шувай кивнул, сдвинул к локтю дубовый наруч, блеснул крохотным лезвием в другой руке и вдруг рассек толстую кожу запястья. Тяжелая капля крови повисла на ладони, сползла по большому пальцу к ногтю и упала на затылок истукана. И тут же зашипела, подернувшись дымком каменная плоть, словно масло упало на раскаленную болванку, а вслед за этим сначала голова, потом плечи, а потом уже и вся фигурка покрылась огненной паутиной и засветилась, как выжженная из горна подкова!

С тяжелым оханьем разом выдохнули столпившиеся за частоколом мейкки.

– Дай! – захрипел староста, явил над деревянными остриями огромные пальцы с зелеными ногтями и потянулся, выпростал наружу другую руку, обвитую серыми венами, как обвиняет ствол лесного гиганта хвойный вьюн. – Дай!

– Возьми, – ответил ему Кай, поднимая над головой истукана.

– Ы-ы-ы-ы-ы! – запричитал, заскулил староста, и похожим кличем вмиг отозвались остальные мейкки и, не дожидаясь приказа, начали разбирать частокол. Заскрипели, затрещали толстые стволы, загремели камни, выворачиваемые из ям, блеснул смешанный с грязью лед, посыпалась гнилая древесная труха, поднялась пыль, и затем показалась уродливая, напоминающая оплывший к земле и увенчанный руками и ногами мешок, фигура старосты. Старик сделал шаг вперед, другой и, выкатив глаза, все с тем же то ли кличем, то ли стоном протянул вперед ручки.

– Держи, – бросил ему в ладони фигурку Кай и, оглянувшись, прошипел: – Дальше все делай, как я!

В накотившей тишине староста поймал фигуру с глухим шлепком, замер, затаив веками глаза навыкате, затем медленно развернулся и поднял ее над головой. Толпа мейкков, что утаптывала за его спиной развороченную, мерзлую землю, вновь разом выдохнула, затем зашуршала овечьими шкурами, потянула огромные ручки вверх и начала стучать кулаками о кулаки, да так, словно они были вырублены из звонкого дерева. И в такт этому стуку откуда-то из-за скалы послышался ритмичный каменный гул и загудела сиплая дудка. Старик выкрикнул что-то, поднял истукана над головой еще выше и так и пошел вышагивать под кулачный марш, уводя за собой оглашающих воем горные склоны соплеменников.

– Он сказал, что нас убьют позже, – мрачно заметил Шувай.

– Я понял, – кивнул Кай и подал лошадь вперед.

Деревня начиналась сразу за подошвой белой скалы, где теснина неожиданно превращалась в крохотную долину, разбегаясь в стороны ущельями и распадками. С десятков залатанных шатров теснились к подножию скалы, тут же на двух кострах поджаривались туши баранов, соплеменники которых тревожно блеяли в неказистых загонах. Истукан уже стоял на огромном черном валуне, и не менее полусотни рослых мейкков толпились вокруг, по-прежнему стуча кулаком о кулак. Их стук сливался с ударами дубинок, с которыми управлялся еще более древний мейкк, чем староста. Рядом с ним стоял мейкк помладше и дул в вырезанную из бара-

нього рога трубу. В отдалении толпились закутанные в шкуры и обвешанные невозможным количеством бус и ожерелий женщины, покрикивая на детей, которые не только обходились без одежды на холодном ветру, но и без обуви на грязном снегу. Увидев выезжающих из-за скалы Кая и Арму, детишки, которых было никак не меньше двух десятков, замерли и стояли окаменевшими истуканами вплоть до того момента, когда на виду не показался Шувай. Оцепенение продлилось еще несколько секунд, но вслед за этим одна из женщин выкрикнула что-то, и под продолжающийся гул в Шувай полетели камни.

– Впервые так? – спросила Арма, когда отряд уже приблизился к выходу из долины.

– Здесь – впервые, – кивнул Кай, борясь с очевидным желанием прищипорить лошадь. –

Но в других местах пару раз приходилось и отбивать парня.

– Парня, – фыркнула вполголоса Арма и оглянулась.

Деревня уже осталась за спиной, но маленькие мейкки, каждый из которых был ростом со взрослого мужчину, продолжали бежать толпой за несчастным Шуваем, осыпая его камнями. К счастью, надетый на него деревянный доспех со спины был особенно крепок, но непрерывные удары, которые теперь уже заглушали и развернувшийся в деревне обряд, удовольствия ему явно не доставляли. Вдобавок среди толпы выделялся переросток, который бросал едва ли не валуны. Во всяком случае, Шувай чуть не падал от их ударов. Прочие спутники Кая тоже крутили головами, а едущий едва ли не последним Шалигай так и вовсе втянул голову в плечи.

– Почему мы не прибавим ходу? – спросила Арма. – Насколько я поняла, осел Эши может быть и резвым!

– На втором выходе из долины такой же частокол, – объяснил Кай. – Стоят шатры и живут две семьи мейкков. Два года назад я три часа ждал старосту у того частокола. Если мы даже и перебьем всех тати там, частокол разобрать нам будет не под силу. К тому же до него еще пара лиг. Но ходу действительно надо прибавить. Да и заодно прекратить это представление.

Кай резко придержал лошадь и, разворачивая ее, одновременно достал из чехла ружье. Приложил украшенный чеканкой приклад к плечу и выстрелил. Грохот наполнил ущелье, разлетелся к вершинам и вернулся эхом. Гул ударов, едва доносящийся из деревни, тут же стих. Переросток замер, удивленно посмотрел на стиснутый в руках очередной валун, уронил его и, зажимая проклюнувшийся из горла кровавой фонтан, повалился на спину. И тут же завизжали, завыли и понеслись ордой обратно в деревню его несмышленные подельники.

– Это был обдуманный шаг? – напряженно поинтересовался Эша.

– Вполне, – кивнул Кай.

– А частокол? – спросила Арма.

– Если бы не он, нас бы не отпустили от деревни так далеко, – объяснил Кай и показал на темнеющую в лесном склоне теснину. – Нам туда. Мы обойдем частокол.

Спутники успели пройти, торопя лошадей, по очищенному ото льда, камня и кустарника ущелью пару лиг, когда за спиной раздались крики и тяжелый топот мейкков. Но путь был уже почти закончен. Перед отрядом на три или четыре лиги тянулся ледник. В холодной стене были пробиты траншеи, за ними ветвились ходы, но еще больше разломов и трещин было устроено самой Салпой. Тропы через испещренную провалами ледяную равнину не было.

– Похоже, ловушка, – потянулся за мечом Тару. – А мы еще даже не нюхнули Запретной долины.

– Не ловушка, а хранилище припасов мейкков, – заметил Кай. – Быстро спешиваемся! Лошадей и осла брать под уздцы! Идти след в след за мной, но не приближаться ближе чем на десять шагов друг к другу! Последним...

Он повернулся к Арме:

– На сколько бьет твой самострел?

– Наверняка на полсотни шагов, – сказала она.

– Пойдешь последней, – кивнул он и заторопился, потащил под уздцы лошадь вдоль окраинной скалы к торчащей в полусотне шагов изо льда коряге. – За мной сразу Шувай, затем Эша, Тару, Шалигай, Мекиш, Арма. Быстро, я сказал! Быстро!

Когда мейкки вывалились на площадку, Арма успела отойти от начала ледника в его глубь только на три десятка шагов. Первого мейкка она подстрелила в ногу сразу же. Он взвыл, съехал на животе в ближайшую продуктовую траншею и принялся скулить там от боли. Последовавший за ним великан был более осторожен, он прикрывался оледеневшей овчиной, но тоже получил стрелу в предплечье. Когда мейкки сообразили устроить вроде щита из большой корзины, Арма отдалилась от начала ледника еще на сотню шагов.

– Всё, – крикнул издали Кай. – Больше не стреляй. Уходи. Они не догонят нас. К тому же я убираю вешки, и они идут кучей.

Мейкки и в самом деле не смогли достигнуть обидчиков. Двое, которые несли перед собой корзину, провалились в глубь ледника уже на первом переходе. Остальные, во главе со старостой, принялись оглашать ледяное пространство воплями, верно надеясь, что лед обрушится от их криков. Кай между тем вел отряд от коряги к коряге, которые указывали безопасный проход через ледяные проломы, и с тревогой посматривал на небо. Ледник был преодолен уже почти в полной темноте. А когда копыта лошади Армы вновь застучали по сухому камню, над горами Северного Рога уже стояла ночь.

– Привал, – услышала она голос зеленоглазого. – Мекиш, посмотри-ка за вон тем камнем. Там должен быть схрон. Продукты на пару недель пути и теплые одеяла.

– Есть такое дело! – закричал через мгновение малла.

– Ты все предусматриваешь? – с восхищением спросил Тару. – А то я уж хотел спросить, кто ж идет в дорогу налегке?

– Однако и тропу через ледник заранее отметил, – перевел дыхание Эша. – Пожалуй, я начинаю верить, что мы уж точно сумеем добраться до Запретной долины и с этой стороны.

– И в темноте видишь. – Тару, который в темноте показался Арме медведем, поднял голову к небу. – Я не то что камня, к которому ты отправил мелкого, но и тропы не могу разглядеть.

– Одно плохо, – добавил Эша, – хвороста поблизости нет, а посидеть у горячего костерка было бы полезно не только для стариковских костей.

– Хворост у нас с собой, – отозвался Кай. – Шувай! Сбрасывай дерево с плеч. Пусть оно послужит и всем остальным. Тем более что надо бы и растереть твои синяки. Малла, ну что ты там?

– Иду, – пробурчал Мекиш и буркнул в сторону Тару: – И все-таки я не мелкий!

Глава 5

Гиблые земли

Мугаи звали это плоскогорье гиблой долиной. Впрочем, каким оно еще могло быть, если все земли – от вершин Северного Рога и Западных Ребер до самых границ Салпы – именовались Гиблыми. Но узкая высокогорная долина, отделенная от равнины старыми рудными увалами, гиблой считалась не из-за населявших окрестные земли свирепых палхов, которые сами предпочитали не иметь дела с горами. И не из-за того, что зиму и большую часть весны и осени ее покрывал снег, только летом буйное разнотравье захватывало в прочее время спящую землю, трава поднималась так, что скрывала путника вместе с лошадей. И не из-за того, что полевой выюн свирепствовал в разнотравье, переплетал стебли, превращая пышный луг в непроходимые заросли, олени застревали в зеленых дебрях, куда уж там путнику. Только кабаны и пировали короткое лето в этих местах, проделывали ходы в зарослях, выкапывали из жирной земли вкусные клубни, выкармливали поросят. Воистину гиблым делали плоскогорье две другие напасти. Снежные лавины, которые всю зиму то и дело скатывались с хребта, перехлестывая узкую долину поперек и снося редкие, оставшиеся с лета, пастушьи биваки отчаянных мугайских пастухов. А под конец лета и начало осени – пожары. Верно, оставался еще металл в рудных увалах, если всякая грозовая туча норовила осыпать их молниями. От молний загоралась высокая трава, которую не пробивал насквозь никакой дождь, и уж тогда ничто живое не могло спастись, поскольку хоть и тянулась долина от ледника близ перевала мейкков почти до Хастерзы на добрых четыре сотни лиг, но выход на равнину имела только один – на юге. То место прозывалось Кабанными воротами, потому что именно близ них мугаи имели каждую осень отличную охоту на покидающих плоскогорье кабанов. Впрочем, некоторые смельчаки все-таки загоняли на гиблое плоскогорье отары, но и это опять же случалось в самом начале лета. Сейчас была середина весны, и плоскогорье пока еще покрывал снег. Кое-где уже виднелись проталины, но до весеннего цветения было пока далеко.

На всю долину ушла неделя и еще два дня пути. Меньше бы могло выйти, но талый снег ночами схватывался коркой, утром грозя порезать ноги лошадям, потому перед отрядом топал неутомимый Шувай, дробил снегоступами наст, а уж за ним следовали всадники, да Эша торопил осла, который так и держался в хвосте отряда сразу за крупом лошади малла, но не отставал, шагал в полную силу. За неделю пути все утряслось в отряде – говорили мало, бивак разбивали споро и без суеты, охрану несли по двое, хотя вроде и опасности никакой не было. Кай сразу предупредил, что почти до самой Хастерзы придется пройти, там он знает тайный проход в Запретную долину, там и опасность может случиться, потому как большая и злая мугайская деревня расположена за Кабанными воротами, а на плоскогорье еще с месяц можно не слишком тревожиться, только горные лисы мышкуют на проталинах, да орлы кружатся над головой.

– А мейкки так и оставят обиду? – поинтересовался в первый же день пути Тару, который все никак не мог выкинуть из головы, что озлобленные великаны образовались в самой близости от его башни.

– Все там осталось, – махнул рукой Кай.

– Что там? – не понял Тару. – Да. Перевал там. И мейкки там. Да и башня моя тоже там.

– Я не об этом, – покачал головой Кай. – Догнать нас мейкки не смогут, даже если захотят.

Им, чтобы спуститься на равнину, придется лишнюю сотню лиг оттоптать. Но не в том дело. Не думай о мейкках. Все, что было, там, за спиной, и останется. А все, что будет, – начнется, когда мы войдем в долину. И вместе одно с другим уже никогда не сойдется. Забудь.

– Это почему же? – продолжал упираться Тару.

– Да оставь ты этих мейкков, – недовольно буркнул Эша. – О башне тоже забудь, кстати. Тут Кай прав. Прошлая жизнь не вернется. Я ж обещал. Я бы, конечно, еще сказал бы тебе, трухлявец, что мы на собственное кладбище едем, но и сам помирать не спешу. Даже не собираюсь. Тут дело в другом. Если соблаговолит Пустота или же двенадцать, кто ж разберет, кто теперь правит Салпой, соблаговолит оставить нас в живых, да мы еще и доберемся до нужного места... – Эша замолчал, поморщился, покосился на Шалигая, который предпочитал вовсе не открывать рта, – тогда все переменится. И будет, дорогой мой Тару, эта обида мейкков на путников подобна песчинке, что несет в себе горная река. Понял?

– Понял, – сдвинул косматые брови Тару и буркнул через пару секунд: – А кто из нас трухлявец, Эша, мы еще посмотрим.

Подобных разговоров больше не случалось. Только однажды Эша спросил у Кая, что за проход в Запретную долину он сумел отыскать со стороны Хастерзы, хотя все знают, что другого прохода в нее, кроме как через Ледяное ущелье, нет? Да и тот едва расчистили. Кай ответил коротко:

– Через Мертвую падь.

Эша ответом явно удовлетворен не был, потому как долго шевелил косматыми бровями, пока наконец не выдержал и не спросил зеленоглазого снова:

– Послушай, мне, конечно, все равно. Притащи бы ты сейчас крылья и скажи, привяжывай, старик, их к рукам, и полетели прямо через вершины Северной Челюсти в Анду, я бы привязал и полетел, но Мертвой пади нет! Или была когда-то, а теперь уже нет. Иначе давно бы ее отыскиали или кусатара, или лами, или старцы из Парнса, они-то уж точно всё облазили в окрестностях Хастерзы. Да и сам понимаешь, вряд ли на самом деле есть то самое место, куда, как сказывают мугаи, уходят мертвецы, которых не принимает Пустота. Я, конечно, готов предположить, что мугаям вообще веры нет, но не ты ли в тот год, когда мы с тобой добирались через Ледяное ущелье к границам Запретной долины, сам мне говорил, что трижды обошел предгорья Северной и Южной Челюсти? Не ты ли говорил, что ни с одним старцем из людей и тати перетер о Запретной долине, но так и не нашел другого пути? Да в том же Ледяном ущелье сколько ты потратил золота, пока нанятые тобой лами и кусатара прорубали дорогу в леднике? Даже я отсыпал тебе из гимской казны! То есть что же выходит: или ты зря деньги платил, или зря предгорья оттапывал?

– Ничего не зря, – ответил Кай, бросил короткий взгляд на Шалигая, потом посмотрел на Арму. – Ничего не зря. Но я бы и не нашел этот ход. С этой стороны он вовсе не виден, мне его с той стороны показали. В тот же год, как мы с тобой, Эша, первый раз вышли на край долины. И с тех пор, если помнишь, я больше и не заговаривал о проходе.

– И кто же показал? – заинтересовался Эша. И тут же окаменел, вытаращил глаза, едва услышал ответ: «Сиват».

– Сиват, – повторила шепотом Арма, вспомнив рассказы матери о странном босом призраке в широкополой шляпе, но громко спросила о другом: – И как там? Как там, в Запретной долине?

– По-другому, – ответил Кай. – Не как здесь.

– Надеюсь, теплее? – поежилась она, поправляя на плечах одеяло.

Он все чаще посматривал на нее. Смотрел так, словно пытался угадать те слова, что поручила передать ее мать. А она ловила его взгляд и думала, что всего лишь за неделю пути чувствует себя так, словно идет рядом с зеленоглазым месяцы. И все эти месяцы она знает, что его мучает, корежит нескончаемая боль и одновременно прижимает к земле усталость. Но все это – и боль и усталость – отражалось только в его глазах и нигде больше.

Кабаньих ворот они достигли в полдень на восьмой день пути. Но еще на седьмой день увалы, которые тянулись справа рыжими холмами, вдруг начали вздыматься к небу, но не так, как снежные вершины Северного Рога, а почти черными каменными столбами, напоминающими горы перегоревших лепешек, словно нашлась хозяйка ростом выше облаков, что зачехляла каменные олады и бросала их друг на друга. Снег тем временем под ногами почти исчез, земля обратилась грязью, покрылась тысячами ручьев и украсилась побегами молодой травы. К полудню седьмого дня отряд уже спускался по крутому склону, ручьи на котором объединились в скачущий по камням водяной поток, а впереди, там, где казались нагромождением облаков вершины Северной Челюсти, рядом с которыми даже пики Северного Рога уже не напоминали каменных великанов, появилось что-то вроде стены. На ночлег, спасаясь от сырости, отряд остановился близ одного из каменных столбов, а на следующий день к полудню подобрался и к самой стене. Она была столь высока, что вблизи загораживала даже снежные пики. Камень, который составлял ее, ничем не отличался от пластов камня в башнях, последняя из которых как раз и составляла вместе с изгибом стены те самые Кабаньи ворота.

– Берег, – пробормотал Эша, подошедший во время привала к самой стене и вернувшийся с пригоршней камней.

– Берег чего? – не понял Тару, который уже с утра держал наготове лук, потому как ему чудилось стрекотанье перепелок в довольно высокой у Кабаньих ворот траве.

– Берег моря, – строго ответил Эша.

– Моря? – недоверчиво переспросил Тару и оглянулся, словно сейчас, сию минуту к его ногам должен был накатить прибой.

– Тысячи тысяч лет назад здесь было море, – не унимался Эша. – Волны плескались. Вот они и устроили тут стену. Подмывали, подмывали берег, и получилась стена. И эти столбы тоже от моря.

– Море? – ошалело покачал головой Тару. – И куда же оно делось-то? Высохло?

– Вот, – Эша сунул в руки старого охотника камни, – смотри. Я выковырнул эти штуковины из стены. Видишь? Ракушки морские.

– Ракушки? – отбросил камни в сторону Тару. – Да эта стена тянется до самой Хастерзы! А потом останки почти такой же стены уходят к западу вдоль отрогов Западных Ребер! Уж не хочешь ли ты сказать, что все Гиблые земли – это дно бывшего моря?

– Мудрецы в древности считали, что иногда дно моря и суша меняются местами, – важно кивнул Эша и отвернулся от ошарашенного Тару к Каю, который глотал из жестяного кубка горячий ягодный отвар. – Сегодня еще пройдем пару десятков лиг?

– Ночью, – кивнул зеленоглазый. – Через пять лиг большой поселок мугаев, его надо миновать ночью. Там опасно. Возможна даже схватка.

– Все равно будем на месте через день, – заметил Эша, с тревогой покосившись на встающий через лигу одетый в свежую зелень лес.

– Почему ты так решил? – не понял Кай. – И на каком месте мы будем?

– Продуктов осталось на полтора-два дня, – объяснил Эша. – Ты ведь всегда все рассчитываешь? И не косись на Шалигая и на Арму. Их не должно быть в отряде, но едят они не слишком много, давно уж небось пересчитал пайки? Да и аппетит Шувая тоже учел. А на каком месте мы будем – тебе лучше знать. Наверное, где-то в Мертвой пади. В тайном месте. Там лошадей оставим? Ведь нельзя войти в долину на лошади, или переменялось что? Не боишься, что Шалигай узнает о тайном месте? Что ты знаешь об этом хиланце? – Эша почесал седую бороду, оглянулся.

Сидевший с другой стороны костра хиланец втянул голову в плечи и, словно в поисках защиты, закрутил головой, посмотрел на Шувая, который сидел рядом и жевал пласт вяленого мяса. Мейкк икнул, подмигнул Шалигаю и многозначительно ковырнул в зубах пальцем.

– Я ничего не знаю об этом хиланце, – наконец произнес вполголоса Кай. – И ты прав, послезавтра у нас будет пара дней на отдых. Но не для того, чтобы узнать хиланца. О нем всё узнаю там. В Запретной долине. Как и о каждом. Как и вы обо мне.

– Но путь в долину ему все-таки покажешь? – уточнил Эша.

– Как и каждому из вас, – кивнул Кай. – Все просто, старик. Или мы погибнем там, или вся Салпа изменится. Так что не о чем беспокоиться. К тому же впереди нас ждут спутники, которые опаснее любого хиланца в тысячу раз.

– Это кто же? – забеспокоился обратившийся в слух Тару. – Еще мейкки? Или другие какие тати? Или же ты мугаев в отряд решил набрать?

– Увидишь, Тару, – ответил Кай, и было в его ответе больше тревоги, чем в голосе старого охотника.

Отряд двинулся в путь, перейдя ручей, ставший уже рекой, в сумерках. Арма в который раз убедилась, что если Кай и не видит в темноте, то уж точно слышит и чувствует всё, как дикий зверь. Теперь он вел отряд не по лесным, а по звериным тропам, стараясь не уходить далеко от стены, но как он это делал, когда не было видно не только неба, но и вытянутой перед лицом руки, Арма понять так и не смогла. Об одном спорить не приходилось, лес, через который они шли, был не только наполнен запахом свежих листьев и гниlostным ароматом прошлогодних, но и тревогой, подобной которой Арма не чувствовала даже на перевале мейкков, когда тот же Кай был так напряжен, что капли пота сбегали у него по скулам.

Зеленоглазый назначил привал в полночь, разрешив развести в лесном овраге крохотный костерок. Тару, который следил за припасами, раздал спутникам по куску лепешки и по вяленой рыбине, а Кай вместе с Мекишем бесшумно исчезли в темноте и появились вновь только через час. Арма едва расслышала брошенные им Тару слова:

– Не пойдем теперь. Хотел вдоль стены миновать деревеньку за ночь, но теперь не рискну. Надо бы присмотреться к окрестностям. Перед рассветом выйдем.

– Что там? – прогудел в ответ Тару.

– Трупы, – коротко ответил Кай. – На ближнем дозоре у стены трупы. Вроде бы вчерашние. Дозорные мугаев, которых мы и остерегались. А есть еще дальний дозор, что за деревней. И сама деревня тиха слишком. Ни огонька, ни собачьего лая. Хотя палхская речь мне слышалась. Отдыхать! – чуть повысил голос зеленоглазый. – В дозоре первыми я и Мекиш. Выходим перед рассветом.

– Опасное место, – прошептал малла и, усаживаясь возле Армы, добавил: – Я тут уже ходил с Каем, в прошлый раз едва выпутались. В деревне крепкая мугайская дружина. По нужде всегда жгли пламя на вышках, с окрестных деревенок к ним подмога спешила, несколько раз хорошо схватывались с палхами, держались. Но зато и путникам прохода не давали. Грабили. Даже дозоры держали на тропе вдоль стены, чтобы путников не пропускать.

– Так, может, в этот раз палхи их подмяли? – спросила Арма.

– Нет, – почесал нос маленький тати. – Если бы палхи их подмяли, сейчас бы там барабаны били, да и пожарище бы пылало. Палхи сжигают мугайские деревни. Дотла сжигают. А речь... случайность. Завтра посмотрим.

Мекиш замолчал, хотя и продолжал что-то бормотать под нос, но уже бормотал про себя, и это его бормотание странным образом смешивалось с мыслями, которые наполнили голову тати и которые Арма разбирала с трудом. Мыслями, которые больше напоминали крик, вызванный болью, чем неторопливый говор. Тревога, решимость, ненависть, преданность зеленоглазому захлестывали малла одновременно, но все чаще, как и в ту ночь, когда Арма нащупывала мысли тати сквозь стенку лапаньского шатра, перед его глазами вставала мертвая, покрытая солончаками и глиняной коркой равнина.

Точно так же Арма не могла разобрать и мыслей Шувая. Ухватывались обрывки картин, среди которых были только бесконечные снега, камни на этих снегах и огромные добрые ладони. Спасенный Каем мейкк вспоминал мать. Арма, которая способна была прочесть чужую мысль порой за пару десятков шагов, и раньше с трудом справлялась с тем, что царило в головах тати, независимо от того – мейкки, малла, кусатара, лами или палхи перед нею оказывались. Для ясности требовались покой и тишина, но и тогда вместо связных фраз приходилось рассматривать картины и распознавать образы. С людьми было проще. Хотя и не в этот раз. Эша умело загораживался от Армы с первой встречи, к тому же и намотал на голову Тару какую-то ткань с закорючками, из-за чего мысли старика стали напоминать едва доносящиеся сквозь толстую стену звуки. А Шалигай, когда умывался и снимал с шеи многочисленные обереги, словно вовсе ни о чем не думал. Неизвестно, понял ли он, что Арма может копаться в чужих головах, но стоило ей приблизиться к хиланскому посланнику, как тот начинал напевать про себя прилипчивую теканскую песенку – однообразную до тошноты. Или он пел ее постоянно? Хотя у башни Тару Шалигай не врал. Говорил, что думал. Да и за Армой следил с твердой мыслью, которая пробивалась через все обереги, что она покажет ему дорогу к зеленоглазому. И ведь показала. Интересно, а почему он решил, что она должна показать ему дорогу к зеленоглазому? Только ли потому, что она зашла в трактир, где хозяйничали знакомцы Кая?

Арма приподнялась на локте, прислушалась. Шалигай уже спал. У костра продолжал сидеть Кай, да Мекиш топырил уши, прислушиваясь к ночному лесу. Арма опустила на подушку хвоя, закрыла глаза, поежилась, натягивая на плечо одеяло.

Здесь, на юге Гиблых земель, конец второго месяца весны еще не был началом лета. День радовал зеленым, а ночью приходил холод. Льдом молодую траву и ручьи уже не сковывало, но изморозью порой накрывало. Но сейчас вся равнина от вершин Северного Рога и Западных Ребер до границы Салпы спала. Спали мугайские деревни, которые радостно привечали любого беглеца из Текана, переселенца с Вольных земель или из Холодных песков, но при этом видели врага в любом другом госте и пуще других ненавидели палхов и теканских ловчих. Спали стойбища палхов, которых мугаи сумели оттеснить к северу и западу, но уничтожить не смогли; легче было тараканов вывести в деревянном доме в жаркое лето, чем выкурить палхов из их землянок и штолен. Где-то еще южнее, в Хастерзе, которая в последнюю Пагубу устояла при нападении самой сильной орды палхов из всех упомянутых в летописях, дремали на башнях дозорные. Может быть, спали и те несчастные, которых судьба обрекла на рабскую участь в глубоких шахтах, устроенных людоедами. Богатыми были недра Гиблых земель: медь, соль, железо, олово, мрамор расходились по всему Текану, и мало кого интересовало, что творилось на рудниках, какой ценой извлекались сокровища на поверхность.

– Почему люди ушли отсюда на юг? – проговорила, открыв глаза, Арма. – Ведь все двенадцать кланов Текана в незапамятные времена жили здесь? С этой стороны гор! Я слышала, тех же палхов почти истребили в свое время?

Кай повернулся к спутнице, помолчал несколько минут, потом сказал:

– Да. Развалины я видел. Постепенно отыскал заброшенные тысячи лет назад руины. Все крепости. Трудно судить о том, что было тогда. Но вот по словам того же Эши, в гимских летописях отмечено, что не только Пагуба терзала Салпу. Приходил и великий холод. Ледовуха. На долгие годы сковывала она льдом все, что находилось севернее Восточных и Западных Ребер. Тогда же погибли не только города двенадцати кланов в Гиблых землях, которые еще не были гиблыми. Тогда же погибли и города предков лапани в Холодных песках. Так или иначе, но уже очень давно кланы ушли на юг и построили города в нынешнем Текане. А их прежняя родина стала Гиблыми землями, где живут теперь только палхи, мугаи, мейкки, бродят стаи северных волков, медведи, снежные барсы.

– А также олени, лоси, кабаны, – продолжила Арма. – Плещется лосось в горных реках. Я все это знаю. Но почему кланов было двенадцать, а развалин древних городов отыскивалось

только одиннадцать. Я знакома с последними летописями, найдены были руины только одиннадцати городов.

– Их двенадцать, – ответил после паузы Кай. – Двенадцатый город сохранился. Впрочем, какой это город, так, маленькая крепость.

– Подожди! – не поняла Арма. – Но Хастерза ведь построена не так давно?

– Я говорю не о Хастерзе, – покачал головой Кай. – О другой крепости.

– Но где она? – не поняла Арма.

– В Мертвой пади, – произнес Кай. – Спи, завтрашний день может оказаться непростым днем.

Отряд был на ногах, едва через мохнатые лапы елей и через узкие листья душистого подъяльника к стоянке проникли первые лучи солнца. Страхивая росу с плеч, Шувай, умудряясь на ходу шарить пальцами в дуплах в поисках зимних беличьих припасов, двинулся, потрескивая валежником, за Каем.

– Браток! – прошипел ему вслед малла. – Тише!

– Обязательно! – буркнул в ответ Шувай и тут же зацепил макушкой ветку сосны, которая не замедлила окатить великана росой и осыпать шишками.

– Тихо! – повысил голос Кай, и мейкк, как по волшебству, действительно стал ступать неслышно.

Переход длился недолго. Вскоре сосны расступились, их сменил молодой ельник, за ельником пришлось спуститься в заросший бурьяном овраг, на дне которого шумел ручей, а затем, ведя коней под уздцы, подняться по едва заметной стежке в гущу цветущего ивняка. Через сотню шагов Кай поднял руку, прислушался, кивнул сам себе, подозвал Тару и Арму:

– Видите дорогу?

Среди кустов проглядывала скорее не дорога, а просека, потому что за нею снова стеной вставал еловый лес.

– Слышите?

– Телега? – прищурился Тару. – Колеса скрипят!

– Одна телега, – кивнул Кай. – Уж не знаю, что произошло в деревне, но если пожара не было, значит, беду принесли не палхи. Хотя голоса их я слышал. Так что скорее мародеры. А мародерами в мугайской деревне могут быть только палхи. Если телега одна, то палхов трое. Один на передке, двое сидят сзади с дротиками. Один из них мне нужен живым. Понятно?

– Как не понять, – хмыкнул Тару, сдернул с плеча тул, выудил из него кривой лапаньский лук, зажал его ногами, ловко натянул тетиву. – Что смотришь, девонька? Вводи свой самострел-то. Только жди моего выстрела, а то твой щелкает небось? Мои задние. Насмерть буду бить. Твой для разговора. Пощекочи его.

– Обоих возьмешь? – усомнилась Арма, уж больно бравым воякой выглядел старик.

– Могу и твоего уговорить до кучи, – прищурился Тару.

– Справлюсь, – отрезала Арма.

Телега показалась в прогалке через пять минут. Ее тащила крепкая северная коняга. Накрытая рогожей повозка была полна, спереди и сзади на ней устроились трое палхов. Ничем бы они не отличались от обычных крестьян, если бы не странно широкие лица и темные волосы, которые начинали расти сразу от бровей. Собственно, бровей и не было. Зато были топоры на поясе у каждого и дротики.

– Ну, помогай мне Пустота, – хрипло прошептал Тару, накладывая на тетиву стрелу. – Давай, девонька.

Для легкого самострела три десятка шагов было не самым близким расстоянием, но стрелки стояли на пяток локтей выше палхов, да и ветер стих как по заказу. Арма выпустила стрелу в тот же миг, как отпустил тетиву Тару, но старик оказался ловок. Еще первая его цель

не успела свалиться с телеги с пробитой насквозь – от уха до уха – головой, еще возница не успел взвыть, ухватившись за пронзенное плечо, а и третий палх успокоился со стрелой в горле.

Кай в несколько шагов оказался рядом с повозкой, придержал лошадь и, подойдя к вознице, вышиб у него из руки дротик, после чего произнес несколько фраз на каркающем языке палхов и взялся за стрелу. Палх взвыл, заскрипел, задергал ногами, но новый поворот стрелы все-таки выдавил из него причитания пополам с руганью. Кай выслушал людоеда, спросил еще что-то, а потом резким движением вырвал из плеча возницы стрелу и забил ее в глотку.

– Извини, что испортил, – обернулся он к побледневшей Арме.

– Нужно было убивать? – спросила она.

– Палхов – всегда, – ответил Кай. – Где встретишь, там и убей палха.

– Смотри, девонька, – глухо заметил Тару и потянул рогожину с телеги.

Арма, которая видела уже многое, замерла. Телега была нагружена обрубками человеческих ног. Вырубленные от колена почти до пояса, они лежали окровавленной грудой.

– Идем через деревню, – обернулся к притихшему отряду Кай. – Там еще одна повозка, больше не будет. Палхи сами перепуганы. Не они перебили деревню. Они только прислали две повозки смельчаков поживиться.

– Огорока, – странным, мертвенным голосом прохрипел Тару. – Бабские.

Глава 6

Мертвая падь

Вторую повозку людоедов спутники застали у распахнутых ворот деревенского острога, занимавшего очищенный от леса холм. Палхов, которые пыхтели, выталкивая телегу через вбитое в землю поперек ворот бревно, перебили тут же и завели обе повозки со страшным грузом внутрь крепости. Деревня уже наполнилась тяжким духом. Внутри острога спутников ждало не менее тяжелое зрелище, чем наполненные обрубками тел повозки. Все население мугайской деревни, в которой вместе с женщинами, детьми и стариками было никак не меньше восьми сотен ртов, оказалось перебито. Утренняя мгла медленно рассеивалась между крепкими, сложенными из стволов северной ели домами, обнажая многочисленные трупы. Частью не потревоженные, частью оскверненные палхами. Но самым страшным было не то, что никто не выжил. Самым страшным было то, что во всем остроге, который скрывал внутри себя под сотню крепких домов, не оказалось ни одного поверженного врага мугаев. Казалось, что всех этих, многое повидавших обитателей Гиблых земель, убивали спящими, хотя никто из них не лежал в постели, а все воины были не только вооружены, но даже одеты в немудрящие, но прочные сыромятные доспехи.

Кай вместе с Мекишем обошел несколько домов и вернулся к отряду, который в ужасе сгрудился на центральной площади деревни, бледному, как утреннее небо. Его спутники молчали. Дрожала Арма. Сопел, опустив глаза, Шалигай. Тербил бороду Эша. Сидел в пыли, закрыв голову руками, мейкк. Зачем-то дергал тетиву лука Тару.

– Что скажете? – окинул тяжелым взглядом спутников зеленоглазый.

– Никого в живых, – прошептала Арма. – Ни единого человека. Кто это сделал?

– Трое, – протянул Эша. – Трое их было.

– Точно так, – кивнул Кай.

– Трое, – продолжил Эша. – Все убитые имеют три вида ран, и все раны похожи, словно трое умельцев упражнялись на соломенных куклах. Часть трупов посечена мечом, часть проткнута копьем, часть убита стрелами.

– Странными стрелами, – добавил Тару. – Многие были пронзены ими насквозь, но ни одна из стрел не осталась в ране, хотя их явно не вырезали. Я уж не знаю, что за умельцы тут порезвились, но вряд ли это были люди.

– Не люди, – кивнул Кай.

– Не люди? – чуть ли не впервые с начала похода подал испуганный голос Шалигай. – Кто тогда? А нас так не могут убить?

– Нас нет, – мотнул головой Кай. – Пока нет.

– Может быть, их обидели здесь? – пожал плечами Тару. – Мугаи своенравны. Жизнь в Гиблых землях сделала их коварными. Ты же, Кай, не просто так хотел обходить их ночью? Так бы нас не пропустили?

– Не пропустили бы, – согласился Кай. – Мы бы все равно прошли, но я не хотел никого убивать. Хотя дозорных, наверное, пришлось бы.

– Вряд ли, – покачал головой Эша. – Вряд ли незнакомцы обидели мугаев. Эти трое стали убивать сразу, как только были открыты ворота. Стражник висел на засове ворот. Ворота им открыли сами мугаи, наверное, троица попросила крова, мугаи и открыли. Хотя могли и замыслить грабеж. Где кров, там и кровь. А там уж началась сеча. И ни одна стрела, ни один меч не смогли поразить троицу.

– Кто они? – сузила взгляд Арма, глядя на Кая.

– Увидишь, – ответил он, помедлив. – Думаю, именно эти воины пойдут с нами в Запретную долину.

– С нами? – поразился Тару.

– С нами, – повторил Кай. И тут же повысил голос: – А ну хватит дрожать! Я вовсе не радуюсь этим смертям, но нам придется увидеть и кое-что пострашнее. Не время распускать сопли. Поторопимся. Палхи могут прислать еще гонцов за дармовой плотью. Или чтобы справиться о судьбе двух подвод. У южных ворот острога я видел бочки со смолой. Нужно сжечь острог. Ничего не должно остаться.

Они провозились не более получаса. Смола оказалась твердой, но Тару забрался на деревянную стену, поймал на щеку порыв ветра и заявил, что достаточно зажечь южные ворота, огонь разбежится по стенам и с крыши на крышу за минуты. Так и сделали. Вскоре у одной из вышек запылал костер, на который Шувай водрузил тяжелые бочки. Те задымились, затрещали, пламя взметнулось и, взревев на ветру, начало пожирать одно за другим вбитые в землю пересушенные бревна, а затем уже и побежало с крыши на крышу. Отряд уже отъехал на пару лиг, когда огонь поднялся выше леса. И даже на таком расстоянии слышался треск. Впереди же над словно замороженными елями по-прежнему высилась каменная стена.

– За Туварсой такой берег, – вдруг сказал, оглянувшись, Кай. – В десятке лиг и до самой границы Салпы. Но этот повыше будет. В нем в некоторых местах чуть ли не полтысячи локтей.

– А выше что? – спросила Арма, стараясь выгнать из головы видения мертвых тел.

– Выше крутые склоны вершин Северной Челюсти, – пожал плечами Кай. – Может быть, есть плоскогорья, но там не живут ни люди, ни тати. Холодно. Мертвый камень. Нет даже горных баранов.

– Туда еще и не забраться, – добавил, бурча что-то про себя, Эша. – Пытались некоторые, да никто не преуспел. К тому же ужас.

– Ужас? – не понял Тару.

– Он самый, – кивнул Эша. – Ты не был в Запретной долине, а я был. Пусть и на краю. Еще в Ледяном ущелье за полсотни лиг накрывает так, что колени трясутся. Бывалые воины по нужде в штаны ходят. И говорят, что чем выше в горы или ближе к долине, тем этот ужас сильнее. Так что готовься, старик.

– Готовлюсь, – буркнул Тару, спешиваясь с лошади и осматривая землю.

– Что там? – окликнул его Кай.

– Трое, – выпрямился старик, отряхивая ладони. – Точно трое, как ты и говорил. Но пешие. В дорогих сапогах. С каблуками и набойками. Чудные набойки, вроде маленьких подков. Две пары большого размера, а одна детская. Или бабская. И все тяжелые.

– Убийцы? – посмотрел на Кая Эша.

– Убийцы, – глухо ответил Кай и добавил, понукая коня: – И наши спутники, дорогой Эша. И будь я проклят, если мне нравится, что они натворили.

Тару покачал головой и поспешил вернуться в седло. Отряд продолжил путь. С каждым шагом местность становилась все ниже, под копытами коней начала хлюпать влага, тропа обратилась в полосу грязи.

– Вот второй дозор. – Кай придержал лошадь, показал на деревянную вышку, закрепленную между двумя высокими елями, последними мощными красавицами перед чащей недорослей. – Слева дорога, по которой мы должны были пройти, здесь она соединяется с этой тропой. Я думал миновать их вдоль стены, но уж больно сыро в этом году, да и трупы...

Трое мугаев лежали под вышкой, еще один висел на ней. Все четверо были убиты лучником, но стрел в телах снова не оказалось.

– Ну и спутники у нас, – сплюнул на землю Тару. – Вышку тоже будем жечь?

– Нет, – ответил Кай.

- А тела? – не понял старик.
- Оставим лесному зверью, – сказал зеленоглазый. – Палхи сюда не сунутся.
- Почему? – не поняла Арма.
- Здесь болото вдоль стены, – объяснил Эша. – Палхи боятся болот. Тем более связанных с мертвецами.
- Мертвецами? – не поняла Арма.
- Кладбище, – крикнул Эша. – Тут кладбище древних. Старое кладбище. Древние захоронения почти все ушли в топь, но мугаи тоже стали хоронить здесь своих мертвецов. Много столетий. Знаешь, как они их хоронят? Просто кладут на землю или на камень. В бересту оборачивают, и всё. А палхи считают, что если мертвеца не удалось съесть, то его лучше не беспокоить. Он сам может съесть кого угодно.
- Ерунда, – оглянулся Кай, придерживая лошадь. – Мертвецы не опасны. Здесь не опасны.
- А где опасны? – с подозрением переспросил Тару.
- Где-нибудь еще, – ответил Кай и махнул рукой вперед, туда, где блестела между стволами вода. – Но ты прав, Эша, нам нужно на кладбище.
- Тут нету Мертвой пади, – раздраженно буркнул Эша. – Я бывал здесь годков двадцать назад. За кладбищем все та же стена!
- Стена нам и нужна, – кивнул Кай. – Мертвая падь будет чуть позже.
- Позже, – начал брюзжать Тару. – Могли бы и обогнуть кладбище, где тут дорога к Хастерзе?

Дорога к Хастерзе, выйти на которую в весеннюю сырость, минуя вышку мугаев, было непросто, отыскалась через пару сотен шагов. Она воистину была дорогой, пусть и малохоженной. Болото черными зеркалами отсвечивало справа и слева от нее, но, огибая растопырившие ветви молодые елки, по ней можно было передвигаться даже верхом. Однако Кай свернул в лес уже через полсотни шагов. Направил лошадь левее, преодолел довольно крутой спуск и двинулся прямо по воде.

– Не медлите! – крикнул он, обернувшись. – Держаться за мной, здесь среди луж древняя дорога. Воды всего по колена. В середине лета она просыхает, мугаи чистят старую дорогу. Берегут. Но сейчас придется просто следовать за мной.

Впереди действительно над водой просветом тянулось что-то вроде просеки.

Арма осторожно подала лошадь вперед. Та захрапела, но, нащупав копытами твердое, пошла. Даже осел Эша, который в болотистом лесу явно пал духом, приободрился и забулькал по древним камням.

Стена, к которой держал путь отряд, становилась все ближе. Казалось, еще немного, и она перегородит половину неба, но вскоре Арма перестала смотреть на стену. В нос ударил трупный запах. Застарелый, но не менее отвратительный. Среди елей, которые уже напоминали не деревья, а скорее уродливые больные кусты, начали мелькать какие-то камни, верхушки колонн или обелисков, и на многих из них, прихваченные веревками, лежали, сидели, висели разложившиеся трупы, а где-то и вовсе одни кости.

– Тьфу ты, напасть! – выругался Тару.

– Мертвецы, – заметил Эша. – Поверь мне, Тару, я много прожил, но мертвецы никогда не доставляли мне хлопот.

– Мне тоже, – буркнул Тару. – Но если бы ты знал, Эша, скольких из тех, кто мне никогда не доставлял хлопот, я бы мечтал никогда не встретить, ты бы меня понял. Эй, зеленоглазый! Скоро там?

– Скоро, – оглянулся Кай и, сунув в рот два пальца, вдруг оглушительно свистнул.

Арма придержала лошадь. До стены, которая прямо от древней дороги отступала в глубь гор, образуя что-то вроде залива, оставалось не более сотни шагов. Корявые ели вовсе иссякли, зато камни торчали в избытке, хотя и они уходили в воду. Весь залив по левую руку занимала черная вода зловещего, судя по белеющим у берега костям, озера, которое вряд ли пересыхало и в самое жаркое лето. Зато по правую руку имелся островок сухой земли, на котором курчавился свежими листьями непролазный ивняк. Южнее вдоль стены продолжалось всё то же болото.

– Течима! Усанува! – выкрикнул Кай. – Хватит прятаться, выходите. Я вижу ваши следы!

Ивняк зашевелился, и оттуда сначала показалась округлая физиономия молодого кусатара, как водится, со сросшимися на лбу бровями, а затем и весь тати – одетый в обычный гигиенский кафтан, разве только рукава на нем были надставлены – на половину локтя. По-другому, как знала Арма, и быть не могло, руки у всякого кусатара достигали почти до колен. На поясе у этого висел здоровенный топор в резном чехле.

– Течима! – прыгнул с лошади Кай. – А что с Усанува?

– Он робеет, – развел огромные руки в стороны кусатара, не позабыв окинуть взглядом спутников Кая и приветливо кивнуть Мекишу и Шуваю.

– И в чем же причина его робости? – не понял Кай.

– Он нарушил слово, – вздохнул Течима. – Нас трое, а не двое.

– Трое, – кивнул Кай. – Да хоть четверо, время не терпит, пускай Усанува прекращает робеть и выходит, мы спешим.

– Понял, Кай, – кивнул кусатара и снова нырнул в кусты.

Течима появился из них через минуту, ведя под уздцы сразу двух лошадей. На одной из них сидел вооруженный несколькими дротиками и коротким луком, исполненный неподдельной скорби седой лами, на другой скорчилась чумазая девчушка лет шестнадцати, прихваченная за руки и поперек пояса веревкой.

– Вряд ли недавнюю резню сотворила эта троица, – усомнился Тару. – Нет. Они не могли взять на себя целую деревню мугаев.

– Эти нет, – согласился Эша. – Но кто-то взял. И не думай, старик, что я не видел их следы. На спуске с дороги на Хастерзу они были, хотя вот эти две лошади прошли поверх.

– Рад видеть вас. – Кай сначала обнялся с кусатара, потом похлопал по ноге печального лами. – Не время предаваться скорби. Что за девчонка?

– Мугайка, – пожал плечами Течима. – Сейчас притихла, а еще вчера была словно кошка. Мы встретили ее в десятке лиг отсюда в сторону Хастерзы. Она мяукала и рычала как зверь. Ты посмотри, пока мы ее поймали и связали, она мне все руки покусала!

– Зачем она была вам нужна? – спросил Кай, приглядываясь к незнакомке, которая зыркала на него как кошка, попавшая в силоч, только зубы не скалила.

– Там что-то случилось, – неожиданно подал скрипучий голос лами и показал рукой на северо-запад, где над лесом стоял столб дыма. – Да, там, где теперь дым. Она бежала оттуда. И потеряла разум, если она его потеряла, конечно. Но если потеряла, то точно из-за того, что случилось там. А потом тот ужас, который был там, прошел по этой тропе. И поэтому мы пришли сюда не вчера, а только сегодня. Я почувствовал ужас, и мы отошли назад. И она тоже почувствовала. Но уже не визжала, а только сопела от страха. Теперь это прошло.

Кай оглянулся, нашел глазами Арму, кивнул ей, дождался, когда его спутница приблизится, и только после этого шагнул к незнакомке.

– Имя? – спросил он ее.

Та гордо выпрямилась, дернулась, показывая стягивающие ее путы, и отвернулась.

– Ее зовут Теша, – сказала Арма.

Девчонка вздрогнула и прошипела что-то нечленораздельное, с ненавистью глядя на Арму.

– Вот видишь, Теша, – сказал Кай, – мы можем читать твои мысли. Ведь ты из деревни на холме? Ты читать наши мысли не можешь, поэтому я скажу тебе кое-что. Сейчас мы торопимся, и тебе придется пойти с нами, потому как пока что никто не должен знать нашего пути. К тому же не все тайны принадлежат нам. Но я бы посоветовал тебе рассказать все, что здесь приключилось. Ведь твоей деревни больше нет, Теша. В ней все убиты. До последнего человека. Ты поняла?

Девчонка выпрямилась и словно окаменела, только слезы полились по ее щекам.

– Давай, Течима, – повернулся к кусатара Кай. – Садись на лошадь позади пленницы и в путь. Привал будет через час.

– Она ж меня покусает! – с сомнением посмотрел на девчонку кусатара.

– Будь осторожен, – посоветовал Кай и поднялся в седло. – Но если что, знай, снадобье от укусов дикого зверья у меня имеется. Трогаемся. Еще немного – и передохнем.

– Еще немного? – с сомнением огладил бороду Эша. – С этой троицей нас уже десять. А ты еще грозился тремя мерзавцами, которые к тому же не люди. Ты войско собираешь, Кай?

– Чтобы покорить Запретную долину, может не хватить даже войска, – ответил Кай и вдруг подал коня вперед, прямо в черную воду.

– Э! – в ужасе повысил голос Тару. – Я плавать не умею, зеленоглазый! У моей башни мелкая речка! И если путь в Мертвую падь лежит через утопление, то я не согласен. В это озеро я согласен нырять только мертвым. Это ж известная на всю северную Салпу Черная погибель, она даже зимой не замерзает!

– Нырять не придется, – обернулся Кай. – И гибели не обещаю. В самом глубоком месте лошади едва замочат брюхо. Тебе, Эша, придется замочить порты. Но осел тоже не утонет. Седло сухим останется.

– Ну, уж нет, – пополз с осла старик. – Что мне с мокрыми портами до сухого седла? Я лучше переберусь на лошадь к Тару. Заодно и приободрю его. А ослик сам пойдет. Он хоть и упрямый, но от меня никуда. Однако что ты задумал, Кай? В этом озере даже рыбы нет! Это ж воистину Черная погибель. Или она и есть Мертвая падь?

– Это ее предвестие, старик, – ответил зеленоглазый. – И ты, Шувай, не робей. Тут действительно нет рыбы, только пиявки, но им твою шкуру не прокусить.

Так уж получилось, что всю дорогу Арма держалась возле Кая. Вот и теперь она подала лошадь сразу за конем зеленоглазого, и только смотрела по сторонам, удивляясь, зачем Кай решил отправить отряд в черные воды, ведь насколько хватало взгляда, не было в высоком береге ни расщелины, ни пещеры. Или на самом деле придется им где-то у дальнего берега оставлять лошадей и нырять в черную воду, чтобы вынырнуть где-то в потаенном месте?

Вода тем временем действительно оказалась черной, потому как не проглядывалась даже на ладонь. Вот она достигла лошадиных коленей, вот поднялась к брюху. Хорошо хоть или дно было каменным, или затянута тиной дорога продолжалась и по дну озера, но животные ступали уверенно. Только Шувай начал скулить негромко, жалуясь на холодную воду и на собственные страхи. Арма оглянулась. Сидевшая перед кусатара Теша уже перестала плакать, но не потому, что у нее закончились слезы. Ее обуял ужас. Лицо побелело, губы стали серыми, глаза расширились и не отрывались от черного зеркала воды, словно именно оттуда должна была вынырнуть та самая погибель, которая уничтожила ее деревню.

Между тем за спиной осталась одна сотня шагов, другая, началась третья. Кай продолжал держаться стены, глубины не прибывало, даже порой опять показывались из воды колени лошади. Правда, иногда движение замедлялось, когда зеленоглазый, вновь погружая животное по брюхо в воду, огибал упавшие со стены камни. Постепенно стена начала уходить вправо, образуя еще один заливчик, уже невидимый с берега, и закручиваясь подобно улитке, пока Арма, к собственному удивлению, не обнаружила, что берег встает стеной уже и справа и слева

от нее, а вместо черной воды озера под ногами лошади журчит ручей уже не черными, а светлыми струями.

– Тихо! – обернулся Кай к вытаращившим глаза спутникам. – Дальше следует не шуметь вовсе.

– Опасность? – прошептала Арма, потянувшись за самострелом.

Кай поднял голову, окинул взглядом вздымающиеся к полосе желтого неба стены и заметил чуть слышно:

– Уважение.

Скалы расступились через половину лиги. Впереди, над снежными бликами вершин блеснуло солнце. Арма невольно зажмурилась, а когда пригляделась, не сдержала вздоха. Уютная долина шириной едва ли не с ту же половину лиги открылась перед отрядом. Уже не чахлые ели, а высокие сосны подпирали каменные границы укромного места. И дорога, которая все-таки привела путников в потаенную падь, не закончилась у входа в долину, а убегала куда-то вдаль, разрезая ее вдоль. И всюду – и справа и слева – высились все те же стелы, надгробные камни, барельефы и целые склепы, что и перед Черной погибелью, разве только вокруг них зеленела трава, а над ними не было закреплено чьих-то останков.

– Мертвая падь! – восторженно прошептал Эша. – Уж не знаю, зеленоглазый, что будет с нами дальше, но я уже не жалею, что отправился с тобой в этот поход.

– И я, – с тоской прогудел Шувай, сбивая с ног щелчками огромных пальцев пиявок. – Если бы еще узнать, чем питаются эти пиявки, когда меня тут нет? Я смотрю, ни одна не присосалась к лошадиным ногам, а моя шкура для них вовсе не преграда!

– Эти пиявки заточены на тати, – заметил Эша. – Лошади же появились в Салпе вместе с людьми.

– С чего ты взял? – удивился Мекиш, придерживая коня.

– Ах да, – кивнул Эша. – Раньше они были маленькими и жили в дуплах малла, а потом спустились на землю и подросли.

– Ухаживают, – вдруг подал голос Шалигай. – Ухаживают за захоронениями. Пыль стерта, паутина. Свежий покос на траве.

– Да, ухаживают, – перевел взгляд с хиланца на Арму Кай. – Но с разговорами лучше обождать. Через полчаса мы остановимся вон у той рощи. – Кай махнул рукой вперед. – Там и поговорим.

– Почему там? – перешел на шепот Эша. – Мы могли пройти сегодня еще лиг двадцать! Мне кажется, эта узкая долина весьма длинна!

– Мы пройдем эти двадцать лиг, – сказал Кай. – Но поговорить нам нужно теперь.

Отряд добрался до рощицы еще до полудня, но все последние минуты пути Арма ловила на себе встревоженный взгляд мугайки. Правда, разобрать ее мыслей не могла, исключая отчаяние, боль, страх и ненависть к ней, синеглазой колдунье, которая, как оказалось, может копаться в чужой голове. «Если бы так, – думала Арма. – До Эша, а с его благоволения и до Тару, не достучишься, у всех тати, в том числе и вновь прибывших, в голове творится неизвестно что, а Кай для нее недоступен с тех самых пор, как она встретила с ним впервые, еще девчонкой». Оставался только Шалигай, который перебивал наполняющим его ужасом собственные обереги и во всякую минуту опасности или неясности начинал уговаривать себя быть храбрым и смелым, или же начинал гнусавить отвратительную песню, да все та же перепуганная мугайка. И что с ее дара? А там, в Запретной долине, как сказал тот же Эша, этот ее дар вовсе исчезнет или будет не нужен.

За рощицей кладбище, которое хранило под своими камнями очень далеких предков обитателей Салпы, потому как надписей на обелисках Арма не могла рассмотреть с дороги, да и вырубленные на склепах рельефы были оплывшими и едва угаживаемыми, заканчивалось.

Ручей, который вместе с дорогой резал долину вдоль, обратился омутком. Возле него нашлась и поляна с зеленой травой, и даже словно специально приготовленные дрова, так что костер не заставил себя ждать. За готовку было принялась Арма, но Кай подмигнул Шуваю, и когда гигант снял с лошади заверещавшую Тешу, обратился к синеглазой спутнице с просьбой:

– Отведи мугайку за деревья. Пусть облегчится. Но только руки не развязывай. Пока не развязывай. Вот я скажу то, что должен сказать, потом развяжем.

Мугайка пошла за Армой послушно, как собака на поводке. Позволила без звука распутать шнуровку на платье, оправилась, нисколько не застеснявшись посторонних глаз, и так же молча вернулась к костру. Привал был недолгим, поэтому каши Тару сообразить не успел, только заварил ягоду с медом, зато Эша разделил остатки хлеба и вяленого мяса на всех. Кусатара и лами выложили на походный ковер и свои припасы.

– Яички! – захлопал огромными ладонями Шувай, хотя доставшиеся ему два яйца были для великана как два зернышка в наваристой каше.

– Ешьте, – сказал Кай, все-таки приказав развязать руки Теше, но говорить начал еще до того, как трапеза завершилась.

– Разговор будет коротким, – начал зеленоглазый. – Я рассчитывал, что со мной пойдут двенадцать человек. Считаю меня, двенадцать. Но получается, что пойдут четырнадцать. Вместе с Шалигаем и Тешей – четырнадцать.

– Я никуда не иду, – прошипела мугайка.

– У тебя нет выбора, – обернулся к ней Кай. – Хотя нет, выбор есть. Сегодня еще до заката мы доберемся до укрытия, возле которого меня будут ждать трое наших последних спутников, я могу оставить тебя там. Но тебе придется ожидать в темнице, пока наш поход не завершится. И я не уверен, что тебя выпустят живой оттуда, даже если он завершится удачно. Нынешние хозяева этой долины не любят случайных гостей.

– Где они, эти хозяева? – вскинулась Теша.

– Они уже знают, что мы здесь, – ответил Кай и повернулся к Тару: – Можешь спросить хоть старого охотника.

– Это точно, – проворчал старик. – Глаз не спускают.

– Но если ты даже захочешь уйти сейчас, то выбор будет один, – жестко сказал Кай. – Я выстрелю тебе вслед. Предположим, случится чудо, и я не попаду. Или мой конь откажется преследовать тебя. Или дозорные этой долины выпустят тебя в твои ненаглядные Гиблые земли, что ты там будешь делать? Твоей деревни нет, а на ее остроге держались и все окрестные деревни. Боюсь, что они уже покинуты жителями, потому как теперь палхов остановить будет сложно. Иди!

Зеленоглазый шагнул к своей лошади и выдернул из чехла ружье.

Теша опустила взгляд в траву, застыла.

Кай выждал несколько секунд, сунул ружье обратно в чехол.

– Я иду в центр Запретной долины, в Анду. Там в Храме Двенадцати Престолов таится загадка Салпы, там таятся причины Пагуб, что опустошают наши земли. Там можно разрушить клетку, в которой заключена наша земля. Но не спрашивайте меня, что будет дальше. Я могу сказать только одно – если наш поход завершится удачно, все будет не так, как теперь.

Кай помолчал.

– Вместе со мной идут четырнадцать... не только человек, – продолжил зеленоглазый. – Тати: мейкк Шувай, малла Мекиш, кусатара Течима, лами Усанува. Люди: я, Кай, или Кир Харти, или Луккай, – из клана Сакува, можете звать как кому угодно, Арма – из клана Хисса, Шалигай, посланник нынешнего иши – воин из клана Паркуи, Тару – охотник-отшельник из лапани, Эша – мудрец из крепости Гима, Лилай – воин из клана Хара, который будет ждать нас в конце этой долины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.